Анна Миолай

Война в наследство

Часть 1

XVI век

Анна Миолай

Война в наследство

«Автор»
2026

Миолай А.

Война в наследство / А. Миолай — «Автор», 2026 — (XVI век)

Что если ты не стремился к высокому положению в обществе, не просил об ответственности и не очень-то стремишься соответствовать чьим-то ожиданиям? Но с тебя требуют, ожидают и рассчитывают. А вокруг плетутся дворцовые интриги, зреет заговор, и надо суметь избежать ловушек и смерти, а заодно не упустить из виду неугомонного кузена, которому, кажется, все нипочем. И пока никто не видит, как близка пропасть, которая поглотит все: планы на будущее, сегодняшние чаяния и весь привычный тебе мир.История Франции XVI века полна крови, предательства и ужасов междоусобной войны, начавшейся с конфликта двух семей, боровшихся за власть, и переросшей в глобальный политический и религиозный конфликт. Давно умерли те, кто стоял у его истоков. Но своим потомкам в наследство они оставили эту войну, в которой обе стороны уже давно забыли, за что сражаются, и никто не понимает, как ее завершить.

© Миолай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 8
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 29
Глава 6 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Миолай
Война в наследство

Пролог

Бланди. 10 августа 1572

В небольшом городке в десяти лье от Парижа царило небывалое оживление, в замке Бланди-Ан-Бри, принадлежащем Бурбонам, сегодня были подняты флаги короля Наварры и принца Конде, а такое количество собравшихся именитых господ, сплошь протестантов, не видели здесь уже лет пятьдесят.

В соответствии с уложениями Сен-Жерменского мира, заключенного два года назад и завершившего кровопролитную войну между католиками и гугенотами во Франции, протестанты не имели права совершать обряды, будь то венчание или похороны, в самом Париже. Для торжества еще при жизни наваррской королевы Жанны д'Альбре выбрали Бланди-Ан-Бри. Он располагался ровно на установленном договором расстоянии от столицы.

Но еще в начале лета королева Наварры и Гаспар де Колиньи собирались заставить короля Карла IX пересмотреть условия мирного соглашения хотя бы в отношении высокопоставленных аристократов и принцев крови. Но королева Жанна скончалась в июне от скоротечной болезни, как признали официально. А адмирал Колиньи, слишком занятый проектом новой военной кампании против испанцев в Нидерландах, не нашел времени для того, чтобы вспомнить об их намерении.

Поэтому свадьбу Его Высочества Генриха де Бурбона, принца Конде и Марии Клевской, маркизы д'Исиль, решили праздновать в заранее выбранном и оговоренном Бланди-Ан-Бри.

Жених и невеста знали друг друга с детства. Оба — воспитанники Жанны д'Альбре. Оба протестанты. Договоренность об этом союзе была давней, но ни один из тех, кто ее заключал, не дожил до этой свадьбы. Ни Франсуа де Невер, отец невесты, ни Людовик Конде, отец жениха, ни наваррская королева.

Памятуя о трауре по случаю смерти Жанны, свадьбу собирались отложить. Об этом шли разговоры. Но стремясь выполнить ее последнюю волю, не решились. Тем более что за этой свадьбой должна была последовать другая, откладывать которую никто не собирался.

Екатерина Медичи, стремясь продемонстрировать свои добрые намерения, прислала в качестве подарка пятьдесят тысяч ливров и личные пожелания крепкого союза, который пойдет на пользу обеим партиям.

Конде женился на младшей дочери герцога Неверского, тогда как Генрих де Гиз взял в жены старшую годом ранее. Девушек делали залогом мира между двумя враждующими семьями. Как брак Генриха Наваррского и Маргариты Валуа должен положить конец расколу внутри Франции.

А окончание внутренней войны вело, наконец, к заключению договоров с Нидерландами и Англией, помощи против испанцев Вильгельму Оранскому во Фландрии, и кампании на юге, в Верхней Наварре, отвоевать которую не получалось вот уже на протяжении почти полувека. И Колиньи, занятый теперь планированием сразу двух военных кампаний, также поддержал решение завершить траур ради политической выгоды.

На церемонии в просто украшенной протестантской церкви Сен-Морис, жених и невеста дали ответы священнику, не глядя друг на друга. Ее светлость Мария Клевская маркиза д'Исиль, увлеченно разглядывала узор своих кружевных перчаток. А Его Высочество откровенно скучал, слушая речь пастора и не ощущая особой торжественности момента. Даже самые значимые события в жизни становятся пресной рутиной, если твердить о них человеку годами,

убеждая его, с одной стороны, в неизбежности грядущего, а с другой, набивая оскомину до такой степени, что у непосредственных участников события возникает только одно желание: чтобы все это поскорее закончилось.

Они казались настолько не подходящей друг другу парой, что многие жалели невесту. Мария Клевская была настоящей красавицей. Этого не мог скрыть даже скромный протестантский наряд. Ее волосы цвета темного золота, тщательно уложенные в сложную прическу и прикрытые вуалью, могли внушить зависть даже придворным дамам и фрейлинам Екатерины Медичи. Лицо с большими выразительными карими глазами, изящными чертами, легким природным румянцем и четко очерченными губами цвета спелой вишни, вызывало восхищение. С него никогда не сходило мягкое, наивное выражение. А точеная фигура и осанка приковывали к ней взгляды.

А вот ее жениха, которому Мария доставала едва ли до плеча, нельзя было назвать красавцем. Худощавый, но при этом высокий, он не унаследовал ни красоты матери, ни обаяния отца, но между тем был похож на них обоих. От Людовика де Бурбона Конде ему достались рост и рыжие кудри, которые он предпочитал стричь коротко, а от матери — серо-зеленый цвет глаз и пронзительный взгляд, частенько казавшийся пристальным и неприятным. Всем цветам, даже принятым у протестантов лиловому и серому, Конде предпочитал черный, полагая, что в сочетании с его рыжиной любой другой колет будет выглядеть аляповато. И этому своему выбору не изменил даже на собственной свадьбе.

К тому же Мария была, по мнению многих, легка и мила в общении. А ее жених слыл человеком неразговорчивым, нелюдимым и скучным среди тех, кто мало его знал.

Существовала у этого и другая сторона. Адмирал де Колиньи считал, что молодой принц Конде, — человек разумный, склонный анализировать ситуацию и просчитывать свои действия. И именно этих качеств недостает его кузену, королю Наварры.

А Жанна д'Альбре замечала, что ее воспитанница слишком мнительна и неспокойна, и это нередко оборачивалось недовольством, обрушивавшимся на слуг и камеристку.

Мария была уверена, что их неловкий обмен кольцами (Конде уронил то, которое должен был надеть на палец невесты) запомнят надолго и будут припоминать, пересказывая друг другу. Наверное, предчувствие, что этот момент обязательно высмеют ее сестры, занимающие весьма завидное положение в Лувре, печалило ее сильнее всего. Успокаивало лишь то, что ни Анриетта де Невер, ни Екатерина де Гиз на свадьбе не присутствовали. Обе замужем за католиками, и их мужья — настолько ярые противники протестантов, что смириться с милостью короля в адрес последних они не могли почти два года.

Но ведь кто-нибудь обязательно расскажет. Герцог де Ла Форс, например, не отличающийся умением держать язык за зубами. Или д'Обинье, с которого станется сочинить какой-нибудь каламбур или стишок.

Кроме того, ее жених снова нарушил правила церемонии, после слов священника поцеловав ее в щеку, по-братски. Правда, за это она не была в обиде. Ведь сама сделала все, чтобы поцелуй был не в губы. А он лишь пошел у нее на поводу. С одной стороны, Мария получила то, чего хотела (или не получила как минимум того, чего не хотела), а с другой — теперь у нее появился повод при случае сказать супругу колкость. Конечно, она знала, что есть вещи в этот день и тем более ночью, от которых ей не избавиться никакими манипуляциями. Хотя, пожалуй, Конде сам был бы не прочь их избежать.

Привычка помнить об их обручении не отражалась на чувствах, больше свойственных близким родственникам, вынужденным поддерживать общение и дружеский тон. И им частенько напоминали, что при их высоком положении, — это большая редкость и большое везение, быть знакомыми до свадьбы, да еще и так долго.

Так или иначе, в зал, также сдержанно украшенный, в соответствии с протестантской традицией, супруги вошли рука об руку и заняли отведенное им почетное место, чтобы иметь

возможность принять поздравления от присутствующих гостей и посланников королевского двора, первым среди которых был маркиз де Вильруа, личный секретарь короля Карла IX.

Глава 1

— Сколько же нам еще так стоять? — одними губами произнесла Мария.

Анри не услышал, а, скорее, почувствовал, что она сказала.

— Час, быть может, полтора, — ответил он также тихо, — если вы устали, об этом можно объявить в любой момент.

Мария Клевская, маркиза д'Исиль, принцесса Конде, бросила на своего мужа полный негодования взгляд.

— И как это будет выглядеть, Ваше Высочество?

— Так, будто вы утомились, слушая поздравления короля по поводу вашего замужества, — едва заметно пожал плечами Конде.

Посланник Карла IX закончил читать длинное письмо, адресованное молодой паре, и поклонился. Анри ответил ему кивком, а Мария сделала легкий реверанс. Поздравление и впрямь звучало доброжелательно и почти душевно. И, похоже, было написано самим королем, а не его секретарем. Однако никто из Валуа не посетил это торжество в предместьях Парижа, сославшись на большую занятость в подготовке к следующей свадьбе.

— Передайте Его Величеству наше глубочайшее почтение и благодарность за столь теплые слова.

Маркиз де Вильруа снова поклонился, произнес несколько ничего не значащих слов, уступил место следующему посланцу и смешался с гостями в зале.

— Маркиз де Сен-Сюльпис, — представил распорядитель, — доверенное лицо герцога Ангулемского, герцога Анжуйского и Овернского, первого наследника Его Величества короля Карла IX Валуа.

Если де Вильруа всегда оставался в первую очередь дипломатом, для которого сдержанность, как в одежде, так и в манерах, значит все, маркиз де Сен-Сюльпис, приближенный герцога Анжуйского, в ярко-красном колете и таких же буфах с атласной и кружевной отделкой, выглядел даже на фоне прибывших на свадьбу в Бланди католиков, слишком броско и нелепо.

— Мой господин, Его Высочество, герцог Анжуйский, — проговорил Сен-Сюльпис, делая паузу после каждого произнесенного слова, — выражает свое восхищение и...

— Тот случай, когда радуешься, что такая высокопоставленная особа прислала замену, — снова зашептала Мария.

— Вам чем-то не нравится Генрих Анжуйский?

— Я не понимаю, как с ним себя вести. Что говорить? Как отвечать? Наверное, он меня даже пугает! — призналась она и тут же, болезненно скривившись, прошептала: — Боже мой, этикет придумал тот, кто уверен: выказать уважение можно лишь ценой страданий.

— Вы можете снять туфли, — предложил Конде, — этого все равно никто не заметит.

— Больше ни за что! Тот ужасный позор я никогда не забуду! И то, в каком положении я оказалась из-за... — она не закончила, увидев выражение лица Конде: — Вы еще и смеетесь, Ваше Высочество!

— Я не смею, Ваше Высочество. Постойте! — последнее слово было сказано громко и обращено к Сен-Сюльпису. Посланник герцога Анжуйского замолк на полуслове, глядя, как принц Конде делает знак своему камердинеру, а потом усаживает на принесенный им стул свою жену.

— Прошу вас, мадам, — сказал он ей тихо и обратился к посланцу: — Продолжайте, пожалуйста.

Мария Клевская, все так же сияя лучезарной улыбкой, опустилась на стул. Ее муж стал позади, опершись на украшенную золотой инкрустацией спинку.

— Мы нарушаем этикет, мессир, — шепнула Мария.

— В этом зале выше нас только мой кузен. А он уж как-нибудь переживет то, что вы будете сидеть в его присутствии.

— Кстати, где он? — чуть обеспокоенно спросила девушка.

— Переживаете, что вам придется снова стоять, Мария?

— Нет. Просто мне кажется, что я не вижу его в зале.

Конде окинул взглядом не слишком большую толпу, не отличающуюся разнообразием цветов в одежде. Среди черных, серых и лиловых колетов и чуть более ярких, но все равно спокойных и более чем благопристойных платьев протестантов, выделялись католики в одеждах, расшитых золотом, кружевами и драгоценными камнями. Но их было немного.

Анри знал каждого человека в этом зале. Но Генриха Наваррского среди них не было.

Сен-Сюльпис закончил свою речь, большую часть которой Конде пропустил мимо ушей. Пришлось любезно кивнуть представителю герцога Анжуйского и придумать на ходу пару фраз в ответ.

— Герцог Анжуйский будет недоволен, — вздохнула Мария, глядя на выражение лица миньона брата короля, — он и так пугает меня. Никогда не понятно, что скрывается за его улыбкой и обходительностью. Теперь же я буду бояться вдвойне. Не стоит нам ссориться с венценосными особами и их наследниками.

— Если бы герцогу Анжуйскому было не наплевать на наше отношение к нему, он бы пришел сам, а не прислал "говорящее письмо", — отмахнулся Анри. — А единственная венценосная особа, которая вроде как должна присутствовать на этом торжестве, по всей видимости, сбежала.

Мария Клевская принцесса Конде лишь пожала плечами, как бы говоря, что совершенно не удивлена этому факту.

Когда, наконец, закончилась официальная часть, заиграла музыка, а гости разошлись по залу, кто в поисках вина и закусок, кто в стремлении найти собеседника, Анри подал руку своей жене, и они направились в зал.

— Боже мой, здесь даже мэтр Бреу! — удивленно произнесла Мария, стараясь говорить вполголоса. И поняв, что Конде собирается подойти к старику в первую очередь, добавила: — никогда не разделяла вашу к нему симпатию. Он всегда смотрит, как будто сквозь… не видит людей. А когда говорит, непонятно и половины из его речи.

— Будет вам, — ответил Анри, — может быть, чтобы понимать, что говорит мэтр, надо его слушать?

Девушка лишь тихонько хмыкнула и улыбнулась легкой, ничего не значащей улыбкой.

— Рад, что вы добрались в Бланди, мэтр, — Конде почтительно склонил голову. — Надеюсь, дорога была не слишком тяжела. Я не видел вас с самого Ангулема.

Старик близоруко скользнул взглядом мимо Марии Клевской, подтверждая ее слова, посмотрел на Конде, расплылся в улыбке, поклонился и проговорил:

— О, что вы, Ваше Высочество. Сеньор де Марсийак любезно предложил ехать в его карете, и мы чудесно провели время в беседе.

Никола Бреу было за шестьдесят. Насколько глубоко “за”, вряд ли кто-то из его учеников помнил. Полностью седой старик с опрятно остриженной бородой, он смотрел, как будто сквозь толпу, погруженный в свои мысли, лишь изредка фокусируя взгляд на знакомых лицах.

Когда-то поступивший на службу к Генриху д’Альбре, королю Наварры в качестве одного из учителей будущей королевы Жанны, он так и остался при наваррском дворе в Нераке, обучая истории, философии и математике ее сына, Генриха Наваррского и всех ее воспитанников. Его особенно ценил и уважал Конде, которому чуть ли не единственному из всех них были доступны и математика, и философия в равной степени, и который знал о переписке наставника с Парижским университетом и о его желании посетить его. И он позвал мэтра ехать со

всем наваррским двором в Париж, хоть и понимал, что Бреу в совершеннейшей мере неинтересны обе свадьбы. Но вот возможность посетить наваррский колледж и его весьма прельстила.

— Правда же, они чудесны, мэтр! — раздался совсем рядом голос дочери адмирала Колиньи, Луизы, бывшей воспитанницей Жанны д'Альбре наряду с принцем Конде, Марией Клевской, виконтом де Сэй и еще почти десятком наследников именитых протестантских семей. Пробравшись сквозь толпу гостей, они с Шарлем де Телиньи оказались рядом.

— Простите старика, Ваше Высочество, — проговорил Бреу, — мне следовало поздравить вас, но причины сегодняшнего торжества вылетели у меня из головы.

Конде поспешил заверить наставника, что не в обиде на него. Мария промолчала, едва заметно поджав губы.

Пожалуй, Луиза на всем свете единственная считала, что все соединяемые узами брака, должны быть счастливы. Возможно, причина крылась в том, что она искренне любила мужа, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте.

Шарлю де Телиньи было без малого сорок, хоть навскидку ему давали не больше тридцати. Светловолосый и поджарый, с открытым лицом, с которого как будто никогда не сходила легкая улыбка, он умел поддержать любой разговор и чувствовал себя одинаково свободно при дворе в Париже и на поле боя. Колиньи оценил его ум, умение расположить к себе и хорошо подвешенный язык и сделал своим адъютантом.

— Позвольте выразить свое восхищение, — произнес Телиньи, целуя руку Марии, — такие браки обязаны быть благословлены любовью.

— Ах, мсье, — картинно вздохнула Мария, — любовь здесь и правда есть, только я к ней отношения не имею. Ведь мой супруг все еще влюблен в вашу жену, — и тут же продолжила: — вы сегодня успели, и высмеять меня, и поставить в неудобное положение, Анри. А я всего лишь в отместку хочу посмотреть, как краснеете вы двое, — и она указала взглядом на Луизу.

Ответом ей был дружный смех четы Телиньи и укоризненный взгляд Конде.

— Милая Мария, — отсмеявшись, произнесла Луиза, — мы ехали сюда в одной карете с д'Обинье. Так что способность краснеть ко мне вернется еще не скоро.

— Д'Обинье... — произнес Анри, поймав ускользающую мысль, — его, кстати, тоже нет. Как и Генриха.

— Они вдвоем уехали куда-то сразу после церемонии, — заметил Телиньи, — и что же, до сих пор не вернулись?

— Лишь бы им не пришло в голову отправиться искать бордель, — проговорил Конде, воздев глаза к потолку.

— Пока д'Обинье — его главный соратник и советчик, это наиболее вероятно, — заметила Луиза.

— Мне иногда кажется, что ее величество королева Жанна, завещав нам присматривать друг за другом, в большей степени говорила о том, чтобы я присматривал за Генрихом, — покачал головой Конде.

— А ведь его отсутствие заметят, — согласился Телиньи.

— Ваше Высочество, — расстроенно произнесла Луиза, — вы нарушили уговор.

— Уговор? — переспросил ее муж.

— Да, — подхватила Мария и пояснила: — мы договаривались не вспоминать о бедной нашей королеве Жанне до конца всех свадебных торжеств.

— Прошу прощения, дамы, — произнес Анри, — я не хотел никого расстроить.

Мария Клевская жестом подозвала свою камеристку, миниатюрную, совсем юную темноволосую девушку в скромном зеленом платье, Ноэлу де Ланмезан, и начала что-то вполголоса ей высказывать, потом внезапно на что-то рассердившись, попросила прощения и, схватив камеристку за руку, увлекла ее в тихий угол залы к портьерам.

Мэтра Бреу отвлек разговором сеньор де Монтобер, а Телиньи просили разрешить спор де Лаваль и Сен-Мартен.

На несколько минут Конде, оказавшись пусть и в толпе, но практически наедине с Луизой де Телиньи, никто не обращал на них внимания, сказал, чуть расстроено:

— Вот теперь ваш муж будет ревновать вас ко мне. Мне следовало бы попросить прощения за Марию…

Луиза снова рассмеялась своим звонким мелодичным смехом.

— Что вы! — ответила она. — Шарль верит мне и знает: я его уважаю и люблю только его, хоть наш брак и заключен по договоренности. И очень хочу пожелать того же вам.

— Любовь — чудо невероятное в нашем случае, — усмехнулся Анри, — будем надеяться хотя бы на уважение.

— Вы знали друг друга задолго до сегодняшнего дня, — улыбнулась Луиза, — это уже большая удача. Однако Мария чересчур взволнована и расстроена, — заметила она, — я попробую поговорить с ней. Раньше мы неплохо ладили.

Конде благодарно кивнул, провожая ее взглядом и от души завидуя Шарлю де Телиньи. Луиза не была красавицей. Черты лица она унаследовала от отца, как будто смягчив их. Светло-серые глаза, у Колиньи, казавшиеся стальными, у его дочери были, скорее, цвета журавлиного пера. Пепельно-русые волосы не вились в тугие локоны, как у Марии. Из-за чего Луиза не могла уложить их в сколько-нибудь изящную прическу и довольствовалась самыми простыми вариантами. Девушку можно было бы назвать “серой мышью”, если бы не ее смех и улыбка, моментально придававшие ей очарования. Когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки, и лицо из заурядного становилось милым. Это до сих пор вызывало у Анри теплые чувства, хоть его влюбленность была давно в прошлом.

Он снова поискал в толпе кузена и его приятеля. Жан де Лаварден, обычно также составлявший компанию Генриху и д’Обинье по части совершения различного рода неразумных, но приносящих им радость поступков, скучал в одиночестве. А мессир д’Арманьяк, камердинер короля Наварры, также растерянно оглядывался по сторонам. Похоже, его также занимал вопрос, куда делся его король.

В дальнем конце зала он заметил еще одного человека с таким же блуждающим взглядом. Рене де Сэй, поднявшийся на ступеньки перед одной из ниш, прикрытых гобеленом, всматривался в лица людей в толпе гостей.

Анри двинулся к нему, но ему приходилось то и дело останавливаться, чтобы ответить на приветствие, поздравление, чей-то вопрос или поддержать беседу. Там, где этикет позволял ответить одной двумя фразами и ретироваться, он так и делал. Где не мог не уделить внимания, старался закончить разговор быстрее, но так, чтобы никто не заподозрил его в спешке.

Виконт де Сэй все еще оставался на своем посту, когда Конде, наконец, добрался до него.

— Высматриваете Генриха? — поинтересовался он.

Наваррец покачал головой, тряхнув черными, как смоль кудрями:

— Его здесь нет. Как и д’Обинье.

— Есть идеи, куда он запропастился?

— Боюсь, что нет. Думаете, следует отрядить кого-нибудь поискать их в городе?

— Только очень тихо, — после короткого раздумья ответил Конде, — если их обнаружат вусмерть пьяными или в каком-нибудь непристойном кабаке, найдутся и те, кто донесет о поведении короля Наварры тем, кому не стоит знать об этом слишком много. Хватит того, что в любом случае его отсутствие уже заметили не только мы.

Де Сэй кивнул:

— Тогда я этим займусь, позову с собой Арно или Лавардена. Мало ли в каком состоянии найдется наш добрый Генрих, — но перед тем как уйти, он еще раз кинул взгляд на толпу, попытавшись кого-то рассмотреть.

Это не укрылось от Анри, и он спросил:

— Если вы высматриваете не Генриха и не д'Обинье, тогда кого?

— Я видел одного человека. Мы столкнулись почти лицом к лицу. Нет, дело не в том, что его совсем не должно здесь быть. Дело в том, что свое присутствие здесь он явно скрывает.

— И кто это?

— Монморанси… Франсуа де Монморанси.

— Губернатор Парижа? Он ведь получил приглашение. Правда, я видел письмо от него, скорее всего, с поздравлениями и извинениями. Но я не вижу ничего удивительного в том, что он здесь.

— Удивительно, что он прячется, Ваше Высочество.

— Может быть, вам показалось, Ваша Светлость?

— Что именно? Присутствие здесь губернатора Парижа или что он прячется?

— И то и другое, мсье.

Рене де Сэй пожал плечами, и, спрыгнув со ступенек, сообщил, что отправляется на поиски Наваррского как раз в тот момент, когда распорядитель позвал всех гостей в трапезную. Анри кивнул и, глядя на толпу, устремившуюся к распахнутым в большой обеденный зал замка Бланди дверям, понял, что теперь ему придется отыскать свою жену и желательно так, чтобы к столу они подошли рука об руку.

До того, как гости расселись, некоторая надежда, что кузен просто затерялся в толпе, у Конде еще сохранялась. Теперь же почетное пустующее место, предназначенное для короля Наварры, отлично заметное из любого угла трапезной, демонстрировало всем отсутствие его венценосной особы.

Конде поймал недовольный взгляд адмирала Колиньи и ощутил себя школяром, которому вот-вот влетит за проступок приятеля. Но, черт бы побрал его кузена, что он-то мог сделать?!

Краем глаза он заметил, как кто-то проскользнул в трапезную через боковую дверь: Рене де Сэй и Арно де Кавань. Эти-то чего вернулись? Кто-то засек, что они собираются уехать, и им пришлось оставить идею с поисками Генриха? Но лица обоих светились довольными ухмылками, и всем своим видом оба демонстрировали какое-то живое нетерпение. Что же… Конде понадеялся: дело в том, что Наваррского они уже нашли. Но пока ничего нового не происходило, и кузен волшебным образом не появился на своем месте.

Лакеи разносили угощения и подливали вино, в разных концах зала музыканты, артисты и менестрели, приглашенные развлекать гостей, создавали какофонию, сливающуюся в общий фон со смехом и разговорами сиятельных господ. Мессир де Вильруа живо беседовал с Франсуа Марсийаком. Они над чем-то смеялись и что-то попеременно пытались доказать друг другу. И по доносившимся обрывкам разговора походило на то, что они обсуждают сражение при Монконтуре. Что не могло не вызвать любопытства, поскольку оба в той битве сражались по разные стороны. Троим посланцам герцога Анжуйского повезло с соседями меньше. С одной стороны, угрюмый и вечно подозрительный де Брикмо, так и не принявший полностью мысль о примирении партий, с другой — Антуан де Клермон, имевший личные счеты к брату короля. Однако и там все было достаточно благожелательно и спокойно.

Глава 2

В тот момент, когда распахнулись двери трапезной и в зал ввалились двое молодых людей, один темноволосый и невысокий, другой выше своего товарища почти на голову, широкоплечий, атлетического телосложения юноша, Конде как раз решил, что где бы ни носило Его Величество короля Наварры, какое ему, собственно, до этого дело. Ему что, не хватает сейчас других забот?

Оба, и Генрих Наваррский и Агриппа д'Обинье, были пьяны. К счастью, не вусмерть, но и назвать их состояние "слегка навеселе" язык не поворачивался. Генриха шатало. И это становилось заметно, когда он делал какое-то резкое движение. Агриппа держался немного лучше, что вряд ли было его заслугой. Скорее уж, он просто мог выпить больше, не захмелев. Однако веселились от души оба.

— А вот и ваш кузен, Ваше Высочество, — пропела Мария Клевская Анри в самое ухо.

— Он такой же кузен вам, как и мне, — парировал он, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение.

— О нет. Мы оба знаем, что вам он кузен в большей степени.

— Давайте подарим его Рогану? — устало спросил Конде, — они вроде как тоже кузены.

Смешок Марии стал ему ответом.

— Какой замечательный праздник, господа! — громко произнес Генрих, кланяясь присутствующим.

Хоть в данный момент все взоры оказались обращены к королю Наварры, слышно его было очень плохо, и это не преминул заметить Агриппа и, сложив руки рупором, проорал:

— Его Величество, король Наварры хочет говорить.

Вот его услышали все. Музыканты и артисты замерли, звуки музыки замолкли. Гости еле слышно переговаривались. Лица посланцев королевского двора, тех, что явились от имени герцога Анжуйского, исказило выражение насмешливого презрения. Вслух что-либо высказать или обсудить между собой, памятуя о не слишком удобном соседстве, никто из них не решился.

Девушка-артистка, одетая в пажеский костюм, то ли не увидела, что происходит в зале, то ли была слишком увлечена игрой на лютне, чтобы обращать на это внимание, продолжала перебирать струны. В сущности, ее музыка никому не мешала. Однако д'Обинье в два шага преодолел расстояние до нее, выдернул из ее рук музыкальный инструмент и бросил его на каменные плиты пола.

Струны жалобно звякнули, послышался треск ломающегося дерева. Конде не видел со своего места, но был уверен, что лютне пришел конец.

Девушка-паж испуганно вскочила, бросила полный отчаянья взгляд на лютню. По ее щекам побежали слезы.

— Мужлан! — заключил Наваррский, подходя и приобняв артистку, — как можно заставлять кого-то плакать в такой день?

Он что-то шепнул на ухо девушке, отчего та вытерла набежавшие слезы и неуверенно кивнула.

— О боже! — прошептала Мария Клевская, — он нашел себе шлюху на ночь прямо здесь, у всех на глазах. Лучше бы они поехали искать бордель.

Анри промолчал, с отстраненным интересом наблюдая за разыгрывающейся сценой. Он все размышлял над тем, попросить ли кого-нибудь, Рене де Сэя или Луи де Фавве — оба были достаточно близко, чтобы услышать его, остановить Генриха или позволить кузену позориться до конца.

— Так вот, — продолжал Генрих, — сегодня замечательный день. Женится мой кузен и моя кузина. Ваши Высочества! — повернулся он к молодоженам: — Мои поздравления! Все

просто великолепно. И вы прекрасны, кузина. Но господам из Лувра, — он отвесил шутливый поклон в сторону Сен-Сюльписа и его товарищей, — наш протестантский праздник, вероятно, кажется излишне постным. В Париже во дворце они привыкли к чему-то эдакому. Так, господин де Сен-Сюльпис? А? Я хочу сделать подарок вам, — Генрих кивнул принцу и принцессе Конде, — и всем присутствующим. Конечно, невозможно затмить подарок короля, отдавшего вам Сентонж в наследные владения…

Конде про себя усмехнулся. Подарок-то очень сомнительный. Графство страдало уже почти тридцать лет от непрекращающихся боевых действий. Только за последние пять лет Сен-Жан-Д'Анжели пережил четыре осады: его захватывало протестантское войско, потом отбивала армия короля Карла, после чего на какое-то время город оказался в руках англичан, которые снова сдали его королю, и снова отбили протестанты. И хоть сейчас там царил хрупкий, но все же мир, чтобы привести дела Сентонжа в какой-то порядок, потребуется не один год осмысленного и грамотного управления. Если туда снова не придет война.

К тому же это не было подарком на свадьбу. Графство отдали Конде, как часть наследных владений, чтобы установить баланс в той части Франции. По стечению обстоятельств тамошнее население сплошь исповедовало кальвинизм. Их симпатии были на стороне Наваррского дома, принцев Конде и герцогов де Шатийон. А губернаторство в области Шаранты оставалось в основном в руках католиков. Переданный почти год назад Конде разоренный Сентонж должен был успокоить бунтарские настроения. Но никакого отношения к свадьбе Конде с Марией Клевской этот "подарок" не имел.

— Однако, — продолжал Генрих, — мой подарок призван не обогатить, а удивить, господа.

После этих слов зашедший в зал лакей подал ему клетку с певчими птицами. Король Наваррский открыл дверцу со словами:

— Музыканты играют прекрасно, но что может быть лучше пения птиц, господа.

Две ярко-желтые канарейки с пронзительной трелью выпорхнули из клетки и заметались по залу в поисках пути на свободу.

— Интересно, что-нибудь еще более глупое ВАШ кузен способен вытворить? — натянуто улыбаясь, проговорила Мария.

Но это еще был не конец. В трапезную один за другим заходили слуги, неся по две-три клетки с птицами. Какие-то клетки открывал сам Генрих, другие открывали лакеи.

Зал наполнился щебетом и птичьим пением. Канарейки, кенары, жаворонки и соловьи. Множество певчих птиц разлетелись по трапезной, находя себе место на балках под потолком, на незажжённых пока еще люстрах, гардинах с тяжелыми шторами и самих шторах.

Конде вынужден был признать, что гости сильно впечатлились. Кто-то зааплодировал. Слышались взволнованные и восхищенные возгласы. Даже самые безразличные и угрюмые лица менялись, выражая теперь как минимум удивление.

Д'Обинье громогласно читал какие-то вирши. Кажется, собственного сочинения. Анри пропускал весь их смысл мимо ушей. Его не отпускало чувство раздражения пополам с восхищением, сдобренное изрядной долей облегчения. Выходка кузена была не столь уж удручающе позорной или глупой.

Тем временем Генрих Наваррский, посмеиваясь, нетвердой походкой двинулся к молодоженам.

— Кажется, мне удалось расшевелить это унылое собрание, — весело сообщил он, опершись на стол, — в Париже не принято так скучно проводить приемы. Пора к этому привыкать и нам, ваши высочества.

— О, Ваше Величество, — Мария опередила своего мужа с ответом, проговорив певуче растягивая слова, — если вы еще и не испортите все впечатление от вашего подарка до конца вечера, я признаю, что он просто очарователен.

— Это вы очаровательны, дорогая кузина, — Генрих отвесил принцу и принцессе Конде пьяный поклон, — а теперь позвольте мне удалиться. Кажется, господа де Фавве, де Кавань и наш незабвенный герцог де Ла Форс проспорили мне и д'Обинье изрядную сумму.

— Вы поспорили, успеете ли напиться сегодня раньше всех? Или на количество выпитого? — поинтересовался Анри у кузена, вздернув вверх бровь.

— Отнюдь, — Генрих улыбнулся довольной улыбкой, — на то, что, даже если меня сегодня в этот зал занесут, ни у кого не будет причин быть недовольным и читать мне нотации. Даже у почтенного нашего адмирала.

— Ну-у-у-у, — протянул Конде, — еще не вечер…

Но король Наварры его уже не слышал, направляясь в сопровождении своего соратника и приятеля, требовать долг по пари.

— Должна признать, — задумчиво проговорила Мария, — иногда Генрих может приятно удивить. Но заметьте, как он всегда, на любом празднестве, перетягивает внимание на себя. Завтра большинство гостей будут вспоминать только о птицах на нашей свадьбе. А через месяц будут рассказывать, как однажды Генрих на каком-то празднестве выпустил в зал стаю певчих птиц. Только уже никто не вспомнит, где и когда это случилось.

Анри лишь молча кивнул, соглашаясь. На самом деле его не слишком волновала популярность кузена. И уж тем более методы, которыми он ее получал. Иногда оказаться в тени намного спокойнее и выгоднее.

Выбившись из сил или же просто решив, что стол, уставленный разнообразными блюдами, более подходящее место, сбив хрустальный фужер и зацепившись за край скатерти, перед ними приземлилась маленькая ярко-желтая птичка, жалобно пискнув. Отдышавшись, канарейка нашла в себе смелости перебраться на более удобное место.

— Вот это мило, не правда ли? — улыбнулась Мария.

Анри лишь пожал плечами.

— Она как будто бы совсем ручная, — продолжила девушка, глядя, как птица, совсем не обращая внимания на людей, прыгает по столу.

Она положила на ладонь немного крошек и протянула руку. Лимонная птичка, не испугавшись, с интересом начала присматриваться к угощению.

— На самом деле им нельзя давать хлеб, — проговорила Ноэла де Ланмезан, сидевшая рядом с Марией. — Мой отец разводит певчих птиц в своем замке, в Беарне, — добавила она, — от хлеба они гибнут.

Птичка присела на руку Марии и попробовала клюнуть крошку.

— Ноэла, разве станет птица есть что-то заведомо ей опасное? Бросьте. Смотрите, как мило.

— Да, правда… все равно это неважно, — печально сказала девушка.

— Почему? — Анри не удержался от вопроса.

— Большая часть этих птиц погибнет здесь. Не найдут выход. Им нужно солнце. Никто не будет их здесь кормить. Некоторые выбьются из сил, пытаясь найти себе место. Некоторые разобьются о витражи…

— Не расстраивайте меня, глупая! — Мария сверкнула глазами на камеристку, — я теперь буду весь вечер об этом думать.

— Простите, Ваше Высочество, — произнесла камеристка и села на свое место.

Подошел лакей и с низким поклоном передал Конде записку. Тот с некоторым удивлением развернул листок, прочитал несколько слов, написанных торопливо и неаккуратно, нахмурился, а, подняв взгляд, увидел на другом конце зала Колиньи с таким же листком в руках, что-то удивленно спрашивающего у лакея, принесшего записку. Третий слуга пытался всучить такой же свернутый вчетверо листок Генриху Наваррскому, полностью поглощенному флиртом с юной мадемуазель де Клэво. Та была одновременно вроде бы и не против такого

внимания, но не на глазах у всего протестантского дворянства и в том числе своего дяди, Кристофа де Клэво.

Адмирал между тем, видимо, выяснив все, что ему нужно, встал и, показав листок, что-то быстро сказал Телиньи, и они вдвоем покинули зал.

Конде решил, что точно не ошибется, если последует его примеру, раз уж Колиньи так уверенно отправился на встречу с автором послания. А гости так заняты птицами, вином и праздником, что не заметят их отсутствия.

Но сначала, опять же по примеру Колиньи, он отыскал в толпе гостей виконта де Сэй.

— Вы были правы, Рене, — сообщил Анри, показывая записку, — Франсуа де Монморанси действительно в Бланди. И он, правда, скрывает свое здесь присутствие. По крайней мере, от большинства.

Де Сэй сразу посерьезнел, как будто бы мгновенно трезвея. За эту способность: быстро даже в самой не располагающей к обсуждению дел ситуации уметь слушать и принимать решения — Конде очень уважал виконта. Жанна д'Альбре недаром также обращала на него внимание, надеясь сделать де Сэя соратником своего сына. Правда, Наваррский не слишком любил вокруг себя серьезных людей.

— Вы пойдете?

— Да. Колиньи, я думаю, уже там. А Генрих еще не разобрался с текстом, — Анри кивнул в сторону кузена, все еще пытающегося отделаться от лакея с запиской.

— Один? Вы же понимаете, что я мог ошибиться. А это всего лишь способ поймать адмирала, вас и Его Величество без сопровождения.

— Здесь, в Бланди? Не думаю. Но адмирал взял с собой Телиньи. Если хотите, идемте со мной.

Несмотря на то что в послании была просьба о конфиденциальности и секретности, де Сэй все равно настоял предупредить еще и де Фавве.

Им потребовалось время, чтобы отыскать нужную гостиную в незнакомом замке, и к дверям они подошли как раз в тот момент, когда внутри шёл ожесточённый спор. Здесь же они встретили Шарля де Телиньи.

— Что происходит? — вполголоса спросил Конде.

Телиньи пожал плечами:

— Вам проще зайти и узнать. Как я понимаю, вашим ушам вполне законно присутствовать при этом разговоре. Мои мессир де Монморанси посчитал лишними.

Анри шагнул к двери и очень отчетливо услышал:

— Послушайте же меня, Гаспар! — голос, очевидно, принадлежал Франсуа де Монморанси. — Королева принимает испанское посольство. Тайно, через Гонзага, который, кстати, на каждом совете поднимает вопрос о пересмотре условий Сен-Жерменского мира. Вам ли об этом не знать!

— Екатерина может пытаться делать все, что ей вздумается. Как и Гонзага, — это уже был голос Колиньи, — король Карл вовсе не симпатизирует испанцам. Вы сами можете помнить, что королева Жанна тоже в мае этого года принимала испанского посла в Нераке. Испанцы — последние люди, которым нужен мир во Франции. И король прекрасно это понимает.

— Пока это говорите вы! А потом он повторяет то, что льет ему в уши де Невер или королева-мать.

Конде толкнул дверь и вошел без предупреждения и стука. Раз уж его тоже сюда пригласили, он посчитал, что имеет на это право.

— Господин де Монморанси! — пришлось изобразить удивление, — рад вас видеть. Почему-то я не заметил вас в зале.

Франсуа де Монморанси сидел в кресле лицом к двери, но увидев Конде, встал, чтобы поприветствовать того. Колиньи, напротив, лишь слегка повернул в сторону принца голову.

Лицо губернатора Парижа было одновременно усталым и обеспокоенным. Его дорожная одежда, изрядно запыленная, выдавала спешку, с которой он покинул Париж и прибыл в Бланди. В пыли были даже темные волосы, так что он выглядел старше и более седым, чем стоящий напротив него Колиньи, сверлящий собеседника яростным взглядом своих стальных глаз.

— Ваше Высочество, — начал было Монморанси, но Колиньи резко перебил его:

— Его светлость считает, что всем нам не следует появляться в Париже, и безо всяких объяснений завтра развернуться и уезжать восвояси.

Конде перевел взгляд с одного на другого. Все, что он успел услышать о короле, Людовико Гонзага, герцоге Неверском, королеве Екатерине Медичи, было достаточно общеизвестными фактами. Королева не жалует протестантов, де Невер — итальянец и по определению противник любых сближений с протестантами; король же достаточно умен, чтобы понимать, что сильная Франция — это Франция, в которой решены противоречия двух партий, но слишком зависим от королевы-матери и своих советников. Да и Париж никогда не был в достаточной мере дружелюбен к гугенотам. Все это никак не зависело три года назад заключенного Сен-Жерменского мира, и обе стороны честно выполняли его условия. Карл IX все больше проникался мыслью о правильности поддержки Вильгельма Оранского против испанцев и союза с Англией.

— Может быть, у его светлости есть достаточные основания так считать? — спросил Анри.

Монморанси чуть качнул головой.

— Простите, Ваше Высочество, я здесь и правда не ради поздравлений. И хоть господин де Колиньи не верит мне, считая все мои опасения напрасными, возможно, вы послушаете меня.

Конде посмотрел на Колиньи, тот лишь раздраженно махнул рукой. Франсуа де Монморанси же продолжил говорить, бросив на адмирала раздосадованный взгляд:

— Париж с каждым днем все больше становится похож на пороховую бочку. Любая искра и все взлетит на воздух. Горожане на улицах сначала орут “Да здравствует де Гиз!”, а потом ищут среди соседей протестантов. Несмотря на кажущуюся милость короля, вас и вашего кузена навряд ли ожидает там теплый прием.

— Чернь всегда неспокойна, — парировал Колиньи, — и с той и с другой стороны. Вспомните приезд короля в Монтобан. Или его поездку в Шаранту. Все мы знаем, что от беспорядков и бунта против Его Величества нас тогда уберегло только присутствие в кортеже ее величества Жанны. А Париж вообще никогда не был тихим местом. Что же вы предлагаете только из-за этого королю Наварры оскорбить короля Франции? Кстати, вы ведь посылали и за ним?

— Ему передали записку, — поспешил сообщить Анри: “Во всяком случае, попытались”, добавил он про себя, — но в том, что он придет, я сомневаюсь.

Колиньи понимающе кивнул.

— Беспорядки в Париже — это лишь то, что выходит на поверхность, — продолжил Монморанси, — сколько у вас человек в Париже, господа? Люди де Муи, наваррские телохранители короля, ваши люди, Ваше Высочество. Тысячи полторы в общей сложности?

— Не считая тех, кто приехал с Монтгомери и де Бонне, — пожал плечами Конде, — еще какое-то количество дворян наваррской свиты.

— Де Бонне торопится в Амьен, — возразил Колиньи, — он не останется в Париже даже на свадьбу Его Величества.

— Значит, я прав в своих подсчетах. Лотарингцы в Париже собрали около трех тысяч. Это только своих людей. Есть еще наемники, швейцарцы.

— Де Гиз исполняет свое обязательство перед королем в поддержке кампании во Фландрии. Это обсуждалось на последнем совете, — заметил адмирал.

— Вы не хотите признать, Гаспар, что всё, о чём я говорю, складывается в весьма неблагоприятную картину! — воскликнул Монморанси, не выдержав, — каждый факт отдельно ничего из себя не представляет. Но все вместе! Ваше Высочество, что думаете вы? — обратился он к Конде, молча слушавшему их перепалку.

Он ответил не сразу. Слова Монморанси не могли не заронить в его душу сомнений. Но привыкший всецело доверять суждениям Колиньи, он не дал им развиться, задвинув поглубже.

— Последние несколько лет король ведет себя по отношению к протестантской партии лояльно и с большим пониманием, — заметил он, — с гораздо бóльшим, чем можно было бы от него ожидать. А Гизы способны на что угодно. И если Карл Лотарингский или Генрих де Гиз задумают что-то, никто не удивится...

— Но в преддверии войны с Испанией им незачем ослаблять наши общие позиции. Тем более что влияние при дворе де Гиз не потерял, — продолжил за него Колиньи.

— Неужели даже ваша интуиция вам ничего не подсказывает? — Монморанси откинулся на спинку резного кресла, положив руки на стол и сплетя пальцы. Его взгляд задержался на Конде, и тому показалось, что герцог готов сказать, что-то важное. И это должно перевернуть их понимание ситуации, и оно, по крайней мере, самому Франсуа де Монморанси кажется очень серьезным. Но по какой-то причине он или не может, или боится высказать свой главный аргумент.

Колиньи вдруг засмеялся:

— Интуиция? Полноте, милый мой кузен, — он внезапно забыл обо всех церемониях, — это вы из-за своей интуиции пытаетесь нас убедить в грозящей нам эфемерной опасности?

И вновь Анри показалось, что Монморанси вот-вот скажет, ради чего он приехал сюда и вызвал их на разговор, прячась ото всех. Но тот лишь покачал головой:

— Хотел бы я быть так же уверен, как и вы, что опасность эфемерна и есть только у меня в мыслях.

В коридоре послышался какой-то топот шагов, шум и гул, что-то громыхнуло, как будто кто-то упал, уронив с собой вместе как минимум замковый канделябр, раздался смех нескольких пьяных голосов.

— Это Генрих, — с некоторой досадой произнес Конде, — я уведу его. Все равно ему говорить что-либо бессмысленно, — последнее он сказал для Монморанси.

— Идите, Ваше Высочество, — Колиньи положил руку Анри на плечо, — не вижу смысла вам здесь задерживаться. И заберите Шарля. Нет ничего хуже, чем стоять под дверью, за которой ведут пустые разговоры, пока твоя жена скучает одна.

Анри быстро попрощался с герцогом де Монморанси и покинул комнату. Своим поспешным уходом он все же преследовал не одну, а две цели. Первое, конечно, надо было увести отсюда Наваррского, захватившего с собой не одного человека, как сделали это Конде и Колиньи, а целую компанию, бывшую в таком же подпитии, как и он сам. А второе… Он надеялся, что прав в своих наблюдениях, и что теперь, без свидетелей, Франсуа де Монморанси наконец решится сказать адмиралу то, к чему вел весь этот разговор. И тогда будет понятно, беспочвенны ли его предупреждения…

Глава 3

Тяжелое свадебное платье с серебряным шитьем медленно сползало с плеч Марии. Ноэла де Ланмезан и три служанки возились со шнуровкой, юбками, корсажем. На ковер одна за другой падали шпильки, и пряди волос, освобождаясь, ложились мягкой волной на плечи.

Мария стояла неподвижно, кусая нижнюю губу, будто боялась, что малейший вздох выдаст ее смятение. Руки ее дрожали, и пальцы то и дело цеплялись за кружево сорочки, в которую ее облачили.

— Тише, дитя, — раздался ровный голос дамы в черном. Мадам де Вольвир, в прошлом наперсница Жанны д'Альбрэ, женщина суровая и набожная, подошла ближе. — Сегодня вы должны помнить: брачная ночь — не забава, а долг. Муж ждет от вас кротости и повиновения.

— Я… постараюсь, мадам, — прошептала Мария, опуская глаза.

Ноэла поспешила расправить складки сорочки. Служанки шептались меж собой, собирая на поднос снятые украшения.

— Страх естественен, — продолжала дама, внимательно вглядываясь в лицо Марии. — Но вы должны помнить: союз ваш заключен не ради прихоти. Каждая женщина обязана нести свое бремя. Помните о нем. Подарить славному роду де Бурбонов Конде наследника — ваш долг.

Мария глубоко вздохнула и судорожно выдохнула. Внутри все холодело от одной мысли, что ожидало ее за пологом брачного ложа. Она знала, что союз этот — обязанность, долг, продиктованный политикой, но не могла отогнать образ неизвестного и пугающего таинства. Ее страшило само действо. Она представляла, как руки ее мужа будут касаться ее тела, и ведь не одни лишь руки. От этого по спине пробежал неприятный холодок.

Мадам де Вольвир положила ладонь на ее плечо, сухую, тяжелую, как камень.

— Красота увянет, дитя мое. Но добродетель и послушание не стареют. Помните об этом — и все прочее приложится.

Мария закрыла глаза, вцепившись пальцами в кружево. Она кивнула. А что ей оставалось? Только лечь на приготовленное ложе, забраться под покрывало и ждать.

Снаружи уже слышались шаги, смех, пьяные песни и напутственные речи жениху.

Они все приближались.

Мария затаила дыхание и, чтобы как-то унять дрожь, стала читать про себя первую пришедшую в голову молитву: удержи меня по слову Твоему, и буду жить; и не дай мне постыдиться в надежде моей.

Душе эти слова не приносили сейчас ни успокоения, ни уверенности, но как-то немного отвлекали от доносившегося до ее слуха шума.

Двери распахнулись, и в покои ворвалась толпа. Впереди — сам Конде с тем же привычным выражением лица, словно ему нет дела до происходящего вокруг, за ним Рене де Сэй и Телиньи, а с ними еще несколько молодых дворян. Голоса их перекрывали друг друга, переходя в совершенно непристойный гогот. Генрих Наваррский сиял, словно золотой экю, явно довольный тем, как его очередная, не слишком приличная для дам шутка вызвала столь живой отклик.

— Ну же, кузен, — крикнул он, ухватившись за колет Конде и дернув его. — Сбрось свои латы, здесь тебе не поле брани!

Остальные поддержали его дружным хохотом. Кто-то громко добавил:

— Смотрите, монсеньор, не уроните оружия раньше времени!

Толпа загалдела еще громче, но пастор, вошедший последним, нахмурился. Месье Жан де Болан, наваррский аристократ, оставивший меч ради Писания, был сегодня тем, кому офи-

циально доверили проследить за исполнением молодыми брачных обязанностей и засвидетельствовать еще раз законность этого брака, который он же и провозгласил этим днем в церкви.

Конде, отстранив Наваррского, дал камердинеру стянуть с себя колет, остался в простой белой рубахе, но большего не позволил, остановив всякие попытки раздеть его до конца.

— Довольно, господа, — произнес он глухо.

Смех стих, сменившись многозначительными перешептываниями.

Мария готова была натянуть покрывало себе на голову. Но боялась пошевелиться. Она была бледна, словно статуя, и, встретив взгляд мужа, невольно зажмурилась.

Конде обвел взглядом толпу, столпившуюся в покоях. Слуги держали свечи, молодые дворяне шептались и усмехались. Наваррский, довольный своей выходкой, уже подталкивал его к постели.

— Скажите, господа, — тихо, но отчетливо произнес Конде, — разве в супружеской спальне должно быть столько свидетелей?

Наступила короткая пауза. Первым заговорил пастор, месье де Болан.

— Ваше Высочество, консумация брака должна быть несомненной, ведь от нее зависит законность союза.

Несколько голосов подхватили, одобрительно зашумев:

— Верно, так заведено!

— Без свидетелей нет брака!

Принц Конде выпрямился, и в его зеленых глазах оранжевыми огоньками отразился свет свечей.

— В Писании сказано, — возразил он, — «И будут двое одна плоть; так что они уже не двое, но одна плоть. Что Бог сочетал, того человек да не разлучает», — он перевел взгляд с пастора на присутствующих. — Разве не ясно отсюда: все, происходящее между мужем и женой, — дело лишь их двоих и Господа Бога? Разве для освидетельствования консумации не хватит простыней и одного свидетеля?

Раздалось несколько несдержанных возгласов. Нахмурился Шарль де Телиньи. Де Сэй качнул головой, словно бы предупреждая. Пастор поднял руку, и, дождавшись, пока все не умолкли, заговорил:

— Ваше Высочество, святой апостол Павел ясно сказал: муж оказывает жене должное благорасположение, и жена мужу; не уклоняйтесь друг от друга. Как же признать брак состоявшимся, если не засвидетельствовано, что он исполнен?

— Но святой апостол ни слова не сказал о том, что этому должны быть свидетели, — продолжал стоять на своем Конде.

Марию за это время трижды бросило в жар, а потом в холод. Она отчаянно боялась остаться наедине со своим новоиспеченным мужем. Но еще страшнее было присутствие в комнате такого количества людей, и она — в центре внимания… Принцесса Конде любила внимание. Но сейчас оно ей было совершенно ни к чему.

— Его Высочество прав, — внезапно произнес Шарль де Телиньи, — никакими писаными законами, ни божьими, ни человеческими, не установлено, количество свидетелей. Как и необходимость им быть в одних покоях с молодыми. Ваше Высочество, но вам все же придется выбрать того, кто позже засвидетельствует консумацию.

Конде оглядел присутствующих, взгляд его остановился на стоявшей у стены, как будто собиравшейся слиться с ней, камеристке.

— Мадемуазель де Ланмезан. Ее Величество, королева Наварры, Жанна д'Альбре сочла ее достойной, чтобы занять место камеристки и компаньонки моей будущей супруги. Стало быть, она заслуживает доверия.

Спустя еще несколько минут спора пастор все же уступил к некоторому неудовольствию тех, кто в пьяном угаре или из любопытства желал стать свидетелями исполнения долга в первую брачную ночь.

Ноэлу де Ланмезан оставили в смежной со спальней новобрачных комнате. Господин де Болан перед уходом, спросил:

— Есть ли у вас с собой псалтырь или Писание, мадемуазель?

Камеристка опустила глаза. Она даже не думала, что такое может понадобиться на свадьбе, и ее молитвенник лежал среди вещей в отведенных ей и нескольким другим девушкам, сопровождающим высокородных дам, покоях.

— Прискорбно! — господин де Болан цокнул языком, отстегнул от пояса книгу в черном бархатном переплете и протянул девушке, — это Женевский катехизис, подаренный мне самим мэтром Жаном Кальвином во время моего ученичества при нем. Молитесь о своей душе и о душах Их Высочеств. И сохраните его в целостности.

Мадемуазель де Ланмезан несмело взяла у пастора книгу и пробормотала слова благодарности.

И наконец, покои новобрачных покинули все, кому быть здесь не следовало.

Мария же не знала, что ощущает. Облегчение или же, наоборот, чувствует недовольство поведением супруга? Радует ли её то, что они остались наедине, или ей бы хотелось, чтобы всё происходило, как следует, на глазах у свидетелей, без повода для упрёков… Или же нашлось бы что-то такое, что дало бы повод для слухов? А сейчас разве не будет повода?

Конде между тем раздевался сам, отвергнув помощь слуг и камердинера. Он выставил их из покоев следом за шумящими и веселящимися гостями. Перевязь со шпагой и ножны со стилетом уже лежали на низком столике у кровати вместе с колетом, который успели с жениха стащить ранее.

— Не кажется ли вам, Ваше Высочество, — осмелилась, наконец, подать голос Мария. Ей придало немного смелости то, что они остались наедине, и чему бы ни суждено было произойти сейчас между ними, Мария никогда не ощущала робости перед принцем. — Не кажется ли вам, что ваше поведение сегодня вызовет пересуды… домыслы... породит слухи и…?

Анри замер, оставил в покое завязки на рубахе, недоуменно посмотрел на свою супругу и спросил:

— Предпочтете, чтобы я их вернул, мадам?

Мария встретилась с ним взглядом. В голове пронеслась мысль: до чего же непривлекательный человек — ее муж. Глубоко посаженные глаза, может, были бы еще ничего, но их кошачий, какой-то бесовский цвет отталкивал ее. Тонкие губы и острый подбородок казались Марии даже излишне аристократичными. А еще бледная кожа, да, признак благородства, но рыжина волос придавала ей какой-то болезненный цвет.

И дети… дети будут такими же. И дочери, и сыновья.

Она одернула себя, поняла, что он все еще ждет от нее ответа, осознала вопрос и вздрогнула. Нет, возвращения пастора, мадам де Вольвир, Генриха Наваррского и других она не хотела. Стоило ей представить, что все эти люди будут сидеть там, в смежной с их опочивальней комнате, разговаривать, смеяться, обсуждать, ее бросало в дрожь. Но порядок…

— Нет, мсье, — выдавила она.

— Я не позволю распространиться каким-либо порочащим вас слухам, Мария, — попытался заверить он, — и что бы ни случилось, чтобы их пресечь, всегда есть другой выход.

И он указал на лежащий поверх шпаги стилет в таких же ножнах.

Мария вспыхнула. Волна негодования, почти гнева и обиды поднялась из самой груди, даже страх перед предстоящим пропал.

— Вы полагаете, что я… я… не сохранила… целомудрие, Ваше Высочество? Вы смеете предполагать?

— Нет, — коротко оборвал он ее, — но кровь… бывает не всегда даже у целомудренных женщин…

Принцесса Конде издала то ли вздох, то ли всхлип, а потом спросила все тем же голосом, в котором читалось негодование:

— И скольких же женщин вы лишили девственности, что знаете о таком… таком… таких вещах?!

На лице Конде застыло бесстрастное выражение, лишь вздернутая правая бровь могла выдать его истинное отношение к происходившему сейчас разговору.

— Немногих. Но я слушал разговоры тех, кто имел в этом больший опыт.

Его Высочество и впрямь позаботился о том, чтобы не было ни пересуд, ни домыслов. Окровавленная простыня была продемонстрирована жаждущим сего зрелища, а камеристку, сгорающую от смущения и стыда за исполнение порученной ей миссии, отпустили почивать. После чего Конде распорядился подать ему и его жене вина и холодного мяса прямо в покои и не беспокоить больше их до утра.

***

Ночь уступила место раннему летнему утру, оставив после себя странное послевкусие. Одновременное ощущение, что все случилось очень-очень давно и, в то же время как будто не с ним.

Но нет, Конде не был настолько пьян, чтобы не помнить прошедший день и последующую за ним ночь. Просто в тишине утра вчерашние суета, шум, церемонии, разговоры и лица казались далекими и нереальными.

Анри проснулся, как всегда, слишком рано. Никакая усталость предыдущего дня, попойки и происшествия не могли заставить его спать дольше, чем до рассвета. С улицы через распахнутое окно доносился щебет птиц, шелест листвы и тянулся ни с чем не сравнимый аромат летнего утра, обещающего ясный и жаркий день.

Мария спала глубоко и спокойно здесь же на одной с ним кровати, завернувшись в простыни. Ее русые, вчера напомаженные и уложенные в сложную прическу локоны, разметались по подушке. Белила и румяна частично стерлись, и лицо, полностью умиротворенное, показалось ему почти красивым. В жизни девушка никогда не была настолько расслаблена и спокойна, все время поджимала губы или хмурила лоб. А такой он видел ее практически впервые.

Он вспомнил ее испуганное лицо, а потом, как позже они здесь же смеялись, пили вино и гоняли слуг за закусками, слушали переливчатые трели ночных птиц и радовались тому, что все, требовавшееся от них в этот день, уже позади. Вот тогда он почувствовал к своей жене впервые что-то кроме сдержанного участия. Не любовь, но какое-то теплое чувство. Во всяком случае, оказалось, стоило принять каждому из них, что другому не менее тяжело дается вся эта ситуация, которую в итоге оба окрестили странной, и они вполне могут найти общий язык и поддержку друг в друге. Пусть и началась эта ночь с неловкого разговора и почти ссоры.

Анри показалось хорошим знаком, что поутру они оказались в одной постели. Может быть, их брак еще будет счастливым. Не таким, как у Телиньи. Такое он мог представить себе с трудом.

Расшитое серебром свадебное платье Марии, корсет, нижние юбки, туфли — все аккуратно было разложено на кресле здесь же в опочивальне. На полу лежала смятая кружевная сорочка Марии. Конде невольно улыбнулся.

Его вещи валялись здесь, все на полу и в беспорядке. Он хорошо помнил вчерашний вечер, так как был, конечно, навеселе, но не настолько пьян, чтобы вовремя не закрыть двери покоев перед разгоряченной сопровождающей молодоженов до опочивальни толпой. Лакеев он тоже выставил за дверь. Этот совет когда-то дал ему один достаточно умный человек: присутствие свидетелей в спальне мужа и жены необходимо только королям. А принц крови вполне может не позволить никому совать нос в его частную жизнь. И, похоже, совет оказался верным.

Он оделся и тихо, чтобы не потревожить спящую, вышел в гостиную, общую для опочивален принца и принцессы Конде. В одном из кресел в крайней неудобной позе, поджав под себя ноги, спала Ноэла де Ланмезан. Камеристка должна была дождаться, когда муж покинет спальню жены, и помочь той отойти ко сну, а после уйти в комнату, смежную с опочивальней Марии. Но в итоге ей так и пришлось ночевать под дверью своей госпожи.

Как будто почувствовав на себе его взгляд, Ноэла открыла глаза и вздрогнула.

— Идите спать, мадемуазель, — прошептал он ей, — ее высочество, скорее всего, проспит до обеда.

Камеристка неловко поднялась, присела в коротком реверансе перед принцем и нетвердо направилась к дверям опочивальни.

Конде вышел из покоев в сонную тишину коридоров замка. Не было слышно ни единого звука. Дремали даже немногочисленные часовые, оставшиеся на своих постах. Кое-кого из них он, кажется, видел еще вчера. Значит, их просто-напросто позабыли сменить. Задумай кто-нибудь сейчас напасть на все это собрание здесь, в Бланди — лучше времени, места и стечения обстоятельств не придумаешь. Надежда лишь на то, что телохранители, подчиняющиеся непосредственно Колиньи, все же вымуштрованы куда лучше наваррцев. А отряд из Пикардии, предоставленный Конде Сен-Мартеном, выставленный на замковые стены, не пропустил бы никого, кто мог бы представлять угрозу собравшимся на свадьбе гостям.

Услышав какой-то шум с улицы, Анри решил, что был не совсем прав. Далеко не все в замке спали в столь ранний час. Выглянув в окно, он увидел две уже готовые в путь кареты — одна, судя по украшениям и инкрустациям, принадлежала маркизу де Вильруа. Вторая — господина де Сен-Сюльписа, посланника брата короля. Конде даже слегка удивился, что оба они оставались в Бланди до утра. Однако все равно покидали замок в спешке и почти тайно. Интересно, можно ли и это рассматривать как скрытое оскорбление? Не от короля, конечно. Король может только одарить милостью или немилостью. А Конде, хоть и больше не считается врагом короны, все же нельзя сказать, что в большом фаворе у Его Величества Карла IX. А вот от герцога Анжуйского? Разница в их положении невелика. Даже поединок между ними вполне допустим.

Мысль не имела под собой никакого особого основания. Не станет он, конечно, высказывать Генриху Анжуйскому какие-либо претензии, во всяком случае, открыто. И уж тем более вызывать того на поединок. Последний тренировочный бой между ними закончился неприятно. Анри, не имевший никакого опыта в искусстве куртуазного фехтования, парировал выпады довольно грубо, но жестко, несколько раз упуская возможность ударить противника в шею или грудь — любой из таких ударов мог оказаться смертельным, а он боялся не суметь вовремя остановить руку и ранить брата короля. В итоге, просто чтобы выйти из боя, который давался ему нелегко, из-за того, что приходилось везде контролировать силу удара, инерцию и свои же собственные попытки просто перехватить руку противника и отобрать у него оружие, он позволил клинку Генриха Анжуйского оставить глубокую царапину на предплечье и признал свое поражение. И в дальнейшем отказывался от попыток втянуть его в такой шуточный бой. Чем заслужил в Лувре славу плохого фехтовальщика. Когда это было? Лет пять или шесть назад… еще до Жарнака, до Ла-Рош-Л'Абей и до Монконтура.

Так неторопливо размышляя, он спустился на первый этаж замка. И если нельзя было сказать, что здесь вовсю кипела жизнь, то, по крайней мере, она начала здесь пробуждаться. В коридорах уже встречались слуги, только что проснувшиеся и торопящиеся куда-то. Завидев его, они останавливались, кланялись и спешили скрыться с глаз.

В трапезной, хранившей следы вчерашнего пиршества, еще не успели навести порядок. Хотя несколько слуг уже собирали с пола осколки битой посуды и прочий мусор.

У витражного окна, придвинув к нему вплотную стол, сидел мэтр Никола Бреу, попивая из высокого фужера воду и раскладывая мудреный пасьянс на семьдесят восемь карт. Общую систему его Анри кое-как понимал, но в нюансах так и не смог разобраться. Среди молодых людей наваррского двора больше были популярны карточные игры с облегченной колодой.

Анри двинулся к поглощенному своим занятием мэтру и вдруг остановился, едва не наступив на что-то, ярким пятном выделяющееся на темном каменном полу — тельце маленькой желтой птички. Он огляделся внимательнее.

Мертвых птиц было немного. Меньше, чем все еще сидело на балках под потолком и тяжелых ламбрекенах, украшавших окна. Но достаточно, чтобы признать: мадемуазель де Ланмезан все говорила верно. Пожалуй, стоило бы приказать слугам убрать тельца до того, как дамы и господа начнут спускаться сюда к завтраку. Вид мертвых птиц может вызвать неприятные мысли и расстроить кого-нибудь. Например, Марию. Да нет. Для нее вчерашние птицы — прошлое. Вряд ли она пожалеет об их судьбе. И да, разговоры на полночи, совместно выпитое вино и общее облегчение, оттого что их брак не так уж страшен им обоим, не отбило у Анри способности объективно оценивать женщину, доставшуюся ему в жены.

Он подошел к мэтру, увлеченно перебирающему карты, придвинул стул и сел напротив. Бреу открывал то каждую третью, то каждую седьмую или выкладывая их на стол, или убирая в колоду. И только когда Конде произнес: «Доброго утра вам, мэтр!» — поднял голову, оторвавшись от пасьянса.

— А, мальчик мой, доброе утро, — когда они оказывались в достаточно приватной обстановке, мэтр позволял себе оставить все церемонии, а Конде ничуть не возражал против этого.

Времена, когда Бреу пытался вложить в молодые головы воспитанников королевы Жанны какие-то знания, давно были в прошлом, но взаимная приязнь с некоторыми его учениками оставалась. И мэтр понимал, что все еще остается при наваррском дворе в Нераке только до тех пор, пока угоден Генриху Наваррскому, но не представлял себе жизнь в другом месте.

— В покоях наверху уж очень темно, — посетовал Бреу.

Он выложил на стол подряд семь карт. Паж кубков, король мечей, рыцарь мечей, паж пентаклей и девятка пентаклей, две дамы, Анри не разобрал каких и несколько мелких карт от двойки до шестерки.

— Вам не спится в столь ранний час?

— Я старик. Чем дольше мы живем, тем меньше хочется тратить времени на сон. Но вас-то что заставило подняться в такой час? — Бреу переложил карты в обратном порядке. Посмотрел на сочетание.

Конде пожал плечами:

— Разные мысли, мэтр, — он огляделся и, заприметив неподалеку штоф с вином и практически чистый кубок, налил себе сам. Вино оказалось кислым и слишком крепким. Видимо, из тех, которые подают гостям, когда всем уже все равно, что пить.

— Вас что-то беспокоит, мальчик мой? — мэтр Бреу оторвал взгляд от карт и посмотрел на Конде.

Анри снова пожал плечами, помедлил, но все же сказал:

— Вчера человек, которому у меня нет причин не доверять, несмотря на его принадлежность к католической партии, пытался предупредить нас об опасности в Париже. Адмирал не захотел его слушать. А мне… мне теперь неспокойно.

Мэтр взял из лежащей рядом с раскладом стопки карт верхнюю. Положил ее рубашкой вверх, так чтобы скрыть ее значение. Отодвинул наугад несколько карт из расклада, помедлив на паже пентаклей, которого все же убрал с другими. Открыл карту. Колесо Фортуны.

— Вы можете довериться Колиньи и его опыту. Не помню, чтобы его подводило чутье или чтобы он был слишком беспечен, — произнес мэтр Бреу, раскладывая карты на места по одному ему понятному принципу.

— Я так и хотел думать вчера, — ответил Конде, — но почему-то все время возвращаюсь к этому разговору. Кажется, мы не дали тому человеку сказать что-то важное. Или он не осмелился.

— Так, может быть, это не важно?

Анри промолчал в ответ.

— Знаете, господин де Колиньи в два раза старше вас, а я в полтора раза старше его светлости. И могу вас заверить, что кажется незначительным ему, мне видится и вовсе ничтожным.

— Думаете, стоит об этом просто забыть?

— Нет, — веско произнес мэтр Бреу после небольшой паузы, — люди с возрастом становятся дальнозорки, но не видят того, что прячется у них под носом, — усмехнулся он. — Стоит доверять нашим суждениям в большем, но следить за деталями, которые мы упускаем из виду. Этот ваш человек… поделился сведениями о возможном источнике опасности?

— В общих чертах, — Анри пожал плечами в третий раз, — но не сказал ничего нового.

— Значит, вам стоит задуматься над новыми деталями старых опасностей?

Конде улыбнулся.

— Вероятно, вы правы, мэтр. И это следует обдумать, — он посмотрел внимательно на разложенные перед Бреу карты. Это явно была новая колода, созданная на заказ очень искусно: художник нарисовал лица изображенных на картах фигур с большой аккуратностью к деталям, так что они были даже узнаваемы. — Это последнее творение мастера Дюбуа? — улыбнулся Анри, — король мечей уж очень похож на адмирала де Колиньи.

Бреу взял карту и посмотрел на нее, вытянув руку перед собой, покачал головой и положил на стол:

— Я не вижу этого сходства. Детали… с возрастом они бледнеют, ускользают, теряют значение. Я вижу только властного, но разумного короля мечей.

— Я понял вас, мэтр, — проговорил Конде, — спасибо.

На широком выступе перед высоким витражным окном, рядом с которым они сидели, тихонько пискнула сидящая там серая пичуга. Жаворонок или соловей. Анри не очень разбирался в певчих птицах. Но остальные кенары и канарейки отличались ярким опереньем. Эта птичка сидела, грустно нахохлившись, глядя сквозь стекло на восходящее солнце.

Конде встал и протянул к птице руку. Та лишь обреченно глянула на него и спокойно дала взять себя, не сопротивляясь и снова тихонько пискнув. Он подошел к окну, забранному обычным стеклом в раме, не витражом или мозаикой, толкнул его свободной рукой, рама поддалась, и окно распахнулось. Анри раскрыл ладонь, предоставив птице свободу. Долго ее упрашивать не пришлось. Мгновение и она унеслась в голубизну прозрачного августовского неба, издав протяжную трель. Конде еще некоторое время стоял, глядя на расстилающийся пейзаж: город, а за ним леса, луга и распаханные поля.

Мэтр Бреу извлек из отдельной стопки две карты. Одна из них изображала мудреца, который лег рядом с оставшимися пажом кубков, королем и рыцарем мечей и несколькими картами значением поменьше. На второй зловещий скелет в капюшоне на черном скакуне символизировал Смерть. Старик сгреб все лежащие перед ним карты, не нашедшие в пасьянсе своего места, и убрал их на край стола. А Смерть вернул в стопку, положив в самый низ.

— Если бы я верил в знаки, — произнес Конде, — я бы сказал, что теперь еще и ваши карты предупреждают нас почти открыто…

— Знаки? — мэтр посмотрел на принца и произнес. — Это всего лишь картон с картинками на нем. Мистике в наше время придают слишком большое значение.

Глава 4

Париж
15 августа

Знойный ветер поднимал дорожную пыль, теребил сухие, слишком рано пожелтевшие в этом году листья, заставляя их шелестеть с каким-то неестественным, неживым звуком, периодически срывая и бросая под копыта лошадей въезжавшего в Париж кортежа короля Наварры.

То, что август был особенно жарким и засушливым, отмечали и на побережье, и в Провансе, и даже в Лотарингии, где обычно в это время года уже вовсю лили дожди. Но по Парижу зной ударил, казалось, сильнее всего.

Деревья стояли пожелтевшие, как будто уже не август, а октябрь. Несколько раз в предместьях, где было полно деревянных строений, вспыхивали пожары. Птицы подавали голоса лишь ранним утром, смолкая под лучами палящего солнца. А непередаваемый и неповторимый аромат Сены, казалось, стал еще более стойким и душным.

Глядя на понурые, измученные жарой лица горожан, бросавших на кортеж негодующие, откровенно враждебные и просто раздраженные взгляды, Конде подумал, что никогда не скучал по Парижу и не желал бы надолго поселиться в этом городе. Даже если забыть о предупреждении Франсуа де Монморанси, ничего хорошего настроения горожан не сулили даже ближайшим соседям, не то, что невесть откуда взявшимся на их головы протестантам.

Этими мыслями он поделился с Луи де Фавве и де Сэйем, ехавшим рядом с ним. Де Сэй, оказавшийся наряду с Шарлем де Телиньи в итоге свидетелем всего разговора, произошедшего между Конде, Колиньи и Монморанси, отреагировал напряженным молчанием, одарив Анри красноречивым взглядом. Он-то как раз считал, что раз губернатор Парижа не поленился лично ради этого предупреждения приехать в Бланди, адмиралу стоило бы с большим вниманием отнестись к его словам, интуиции и опасениям. А Фавве припомнил несколько старых шуток, ходивших в Нераке о гостеприимстве парижан вообще и обитателей Лувра в частности.

Они ехали позади Генриха Наваррского, которого теперь окружали адмирал де Колиньи и герцог де Ла Форс, назначенный на эту череду мероприятий глашатаем наваррского короля.

Д'Обинье, подходивший на эту роль всем: ростом, громогласностью, умением произносить и сочинять речи — не вышел только одним. Происхождением. Он оказался для этой роли недостаточно знатен. А Конде, к своему счастью, слишком знатен и недостаточно представителен. В итоге все сошлись на кандидатуре Жана де Комона, герцога де Ла Форса. Человека, в необходимой степени знатного, отличавшегося телосложением почти так же, как и д'Обинье, и умевшего почти так же эффектно привлечь внимание к своей речи. Агриппе д'Обинье доверили же королевский штандарт Наварры, но сейчас красное знамя с золотыми цепями, уложенными в два наложенных друг на друга креста, нес Арно де Кавань. Д'Обинье остался в Бланди. Многие гости собирались приехать чуть позже, не создавая лишней суеты. Среди них была и Луиза де Телиньи, и Мария Клевская со своими горничными и камеристкой, и еще некоторые дворяне-протестанты, из тех, кому не стоило светить своими лицами с порога, вроде Габриэля де Монтгомери, получившего официальное прощение короля, но все же оставшегося персоной нон грата для королевы-матери.

Второй штандарт с гербом дома Бурбонов вручили сержанту телохранителей Колиньи. И виден он был где-то в самом хвосте кавалькады. Такое положение знамен показывало, что Генрих де Бурбон сегодня в первую очередь король Наварры, равный по положению королю Франции.

Из распахнутых ворот Лувра по опущенному мосту навстречу протестантской процессии выдвинулась другая, с королевским штандартом Валуа. Встретиться они планировали у ворот Сен-Дени.

Однако, вразрез с ожиданиями протестантов, во главе выехавшего из Лувра отряда был не король Карл, хоть встречу заранее оговорили, расставили всех ее участников в соответствии с требованиями этикета, и она считалась частью длинного церемониала предстоящих свадебных торжеств.

Две кавалькады остановились друг напротив друга. Навстречу протестантам выехал всадник, молодой дворянин в расшитом тонкой золотой нитью бежевом колете с испанским воротником настолько пышным, что голова, казалось, покоится на нем, как на блюде. На нем был ток, отороченный золотой парчой и украшенный белоснежным пером и драгоценной брошью с большим изумрудом и несколькими камнями поменьше. Сквозь разрезы на бархатных штанах виднелась все та же золотая парча. Сами же эти штаны казались похожими не то на короткую юбку, не то на две подушки, из которых торчали ноги в шелковых чулках и невысоких сапогах с золотыми шпорами. С надменного гладковыбритого лица, обрамленного русыми кудрями, не сходило спесивое выражение, как будто видит этот человек перед собой не благородных господ равных и выше его по положению, а челядь.

Конде, пожалуй, принял бы этого человека за шута, если бы одежда возглавлявшего процессию герцога Анжуйского не была еще более вычурной. Где-то позади своего герцога маячил господин де Сен-Сюльпис, передававший поздравления в Бланди. И Конде отметил, что тогда тот щеголял далеко не в самом лучшем своем наряде. Остальные, одетые каждый на свой лад, но в том же ключе, создавали разительный контраст с процессией, навстречу которой они выехали.

Протестанты, сопровождавшие Генриха Наваррского, отличались от свиты Генриха Анжуйского так же, как вороны с крепостных стен отличаются от павлинов из зверинца.

И вот тут Анри осознал, что еще меньше, чем по Парижу, он скучал по Лувру, хотя в прошлое его посещение главной королевской резиденции он не помнил моды на столь буйную демонстрацию роскоши.

Он посмотрел на де Фавве. Тот старался сохранять каменное выражение лица, а взгляд его скользил по дворянину, останавливаясь то на сапогах, то на штанах с буфами, то на берете.

— Его Высочество герцог Анжуйский, Ангулемский, Овернский... — выехавший навстречу протестантам дворянин, видимо, исполнявший роль глашатая у Генриха Анжуйского, начал перечисление титулов последнего. Его, кажется, звали Франсуа д'Эспине. Конде с трудом вспомнил человека, которого видел в Лувре три года назад. Все-таки да, мода была другой.

-... от имени Его Величества Карла IX Валуа приветствует Ваше Величество... — продолжал свою речь глашатай, — король выражает свое... — здесь он сделал странную паузу, а следующее слово произнес как будто с трудом, — величайшее благоволение и радость по поводу вашего прибытия в Париж.

"Однако радоваться король отправил вместо себя своего брата", — подумалось Конде.

Жан де Ла Форс также выступил на несколько шагов вперед. Его гнедой жеребец нетерпеливо фыркнул, но встал как вкопанный, когда наездник чуть натянул поводья.

— Его Величество Генрих III де Бурбон, король Наварры, герцог Вандомский, от своего собственного имени, лично, — здесь многозначительную паузу сделал де Ла Форс, — приветствует герцога Анжуйского, брата Его Величества, выражает ему свое почтение и …

Речь написали заранее, однако, почему-то никому не пришло в голову, что у ворот Сен-Дени их может встретить не король. Но умения импровизировать на ходу де Ла Форсу, впрочем, было не занимать. С другой стороны Анри даже слегка пожалел, что на месте глашатая не д'Обинье. У того импровизации и живее, и оскорбительнее.

Когда первые приветственные речи были произнесены, король Наварры и герцог Анжуйский выехали вперед и обменялись поклонами.

— Рад видеть вас, дорогой кузен, — неожиданно мягким мелодичным голосом произнес Генрих Анжуйский, — мой брат просит вас не держать на него обиды, так как королевский лекарь наказал ему беречь себя и свое здоровье, а астролог просил не покидать Лувр следующие двадцать дней.

— Какие обиды, дорогой кузен, — таким же медовым тоном проговорил Генрих Наварр-ский, — надеюсь, здоровью короля не угрожает ничего серьезного?

Сухой горячий ветер трепал перья на беретах и шляпах, поднимая пыль, солнце стало как раз в зените. По лоснящимся лицам дворян свиты герцога Анжуйского катился пот, оставляя на коже бороздки, будто бы она чем-то покрыта. Тут только до Конде дошло, что такую неестественную белизну и матовость коже господ из Лувра придавали обычные белила и пудра.

Рядом переминалась с ноги на ногу лошадь Луи де Фавве, которой явно передавалось нетерпение ее хозяина. Он уже с большим трудом сохранял серьезное выражение лица, едва сдерживаясь, чтобы не отпустить какую-нибудь колкость в адрес дворян-католиков.

Конде подумал, что многое бы отдал, чтобы понять, о чем думает сейчас, например, Колиньи. Неужели к этому можно настолько привыкнуть?

Нет, не то чтобы протестанты, облаченные в одежду преимущественно темных тонов, не страдали от жары. Колеты многих были вообще кожаными, а не из бархата. Однако они могли не переживать хотя бы за то, что пот испортит тщательно нанесенную на лица пудру, а накрахмаленные кружева потеряют вид от зноя и пыли.

— О нет, — заверял в это время герцог Анжуйский своего собеседника, — астролог и лекарь сошлись на том, что в стенах Лувра Его Величеству ничего не угрожает, и он будет рад видеть вас и принять сразу, как вы ступите под его своды.

— Рад слышать это, мсье, — Генрих продолжал обмен любезностями, не меняя тона и демонстрируя умение держаться, как царедворец, ничуть не менее искусное, чем пить и творить бог весть что, — давайте же, наконец, направим стопы свои в Лувр, куда я так стремлюсь, чтобы выразить свое почтение Его Величеству Карлу и, безусловно, ее величеству, королеве-Матери, а также мечтаю встретиться с моей восхитительной невестой. Как поживает Ее Высочество, Маргарита?

По лицу герцога скользнула едва заметная тень.

— Моя сестра здорова, — ответил он, но голос прозвучал так, будто он сдерживал раздражение, — и, конечно, также как вы в предвкушении долгожданной встречи.

К счастью для всех, на этом обмен любезностями на солнцепеке был закончен, и две процессии бок о бок двинулись к Лувру.

Глава 5

В Лувре в тронном зале собиралась толпа. Кроме встречавших их герцога Анжуйского со свитой и самих протестантов, то и дело открывались двери, и в зале появлялись все новые и новые лица: Франсуа Алансонский в сопровождении своих людей, герцог де Гиз и Карл Лотарингский, Людовико Гонзага герцог де Невер, которому титул принесла женитьба на старшей сестре Марии Клевской…

Зал наполнялся людьми, разговорами, шепотками. И духотой. А духота — запахами. Духи, благовония, которыми в большом количестве пользовались дамы и кавалеры королевского двора, чей-то перегар, пот, запах несвежих пыльных портьер и едва уловимый, но все же никуда не исчезающий аромат нечистот города. Хотя, похоже, последний был частью Лувра.

В Нераке и Наварренксе Жанна д'Альбре никогда не устраивала приемов в разгар летней жары. Или же они проходили в замковом парке, если это было прямо необходимо. Во всяком случае, Конде не мог припомнить подобных сборищ позже апреля и раньше октября. Теперь же необходимость присутствовать в такой духоте на всех торжествах в Лувре, которые связаны со свадьбой Генриха Наваррского и Маргариты Валуа, окончательным примирением партий, предстоящим большим советом и войной с Испанией бесконечно угнетала. Радовало лишь то, что недолгий период внимания к его персоне закончился. Конде вполне устраивали вторые роли при дворе короля Наварры и десятые при дворе Валуа. Это позволяло стать чуть в стороне, наблюдать общую картину издалека, меньше говорить и больше слушать.

Протестанты ловили на себе косые насмешливые взгляды. Если в Бланди отдельные группы дворян-католиков выделялись на общем фоне, то теперь толпа разделилась на две части: пышущая роскошью, сверкающая драгоценностями, в том числе искусно украшенными золочеными эфесами шпаг, и поражающая нарядами кавалеров не меньше, чем платьями дам, и вторая, сдержанная в нарядах и цветах, от чего казавшаяся мрачной. Тяжелой серьезности и суровости по сравнению с двором Лувра протестантам добавляло то, что все они носили боевое оружие, без изысков, шпаги со стальными чеканными эфесами, единственным украшением которых мог быть фамильный герб.

Две эти части одной толпы практически не смешивались.

Лишь те, кому Лувр, его обычаи и нравы были вполне знакомы, чувствовали себя если не спокойно, то, по крайней мере, уверенно. Адмирал де Колиньи, поднявшись на смежную с залом галерею, разговаривал с маршалом де Матиньоном. Насколько помнил Конде, последний обещал Колиньи поддержку на совете, представляя сдержанную оппозицию против Таванна, который был, в общем, “за” войну с Испанией, но расходился с Колиньи в различных организационных и стратегических вопросах. Марсийак и де Кельнек с несколькими другими протестантами также о чем-то беседовали, вполне мирно, без насмешек и оскорблений, с Альбером де Гонди. Но большинство, которое составляли молодые дворяне со стороны гугенотов, и люди герцога Анжуйского и Генриха де Гиза, находилось в пока тихом, но явном противостоянии.

Кто-то из свиты герцога Анжуйского довольно громко сказал, что, пожалуй, стены Лувра впервые впитывают в себя такой букет из ароматов пота, конского навоза и ладана. В толпе придворных раздались смешки.

— Вы что-то имеете против лошадей, мессир де Вильекье? — внезапно громко поинтересовался у говорившего Генрих Наваррский, — по мне так милейшие животные. А пот не так страшен, если не мешать его с духами. Что касается ладана, возможно, тут стоит обратить внимание на его преосвященство, только что почтившего нас своим присутствием, — и он поклонился архиепископу Руана, появившемуся в зале за пару минут до этого.

— Я думаю, ладан здесь вполне уместен, — маркиз де Вильекье нехотя повернулся к Генриху, став вполоборота и глядя на короля Наварры через плечо, — он отпугивает воронов и крыс, которых что-то развелось в Лувре…

Послышались смешки. Что-то быстро заговорил Сен-Сюльпис почти на ухо де Вильекье, но так, чтобы его слышали окружающие. Дернулся со своего места де Ла Форс, которого вовремя поймал за плечо де Сэй. Конде, двинувшийся к своему кузену сквозь толпу в самом начале обмена любезностями, стал за плечом Генриха. Как бы это ни было глупо, это должно было произойти. И стало это понятно еще у ворот Сен-Дени, когда король Франции отправил навстречу королю Наварры своего брата вместо себя. Анри лишь до самого конца надеялся, что его кузену хватит выдержки и здравого смысла не начинать открытую перепалку при таком скоплении народа. Но что вышло, то вышло.

— В Лувре проблема с крысами? — деланно удивился Генрих. — Может, вам стоит завести кошек? Ах да, они ведь для начала передавят всех попугаев.

— Смотря, кто выпустит кошек, — улыбнувшись деланной улыбкой, произнес маркиз.

Генрих обернулся к Конде и спросил, достаточно громко, чтобы слышали все, кто следил за разговором:

— Как вы считаете, кузен, это угроза?

Анри окинул взглядом де Вильекье. Ему вообще было сложно воспринимать всерьез человека, одевающегося подобным образом, и еще сложнее давалось скрывать свою неприязнь именно к маркизу. А на нее у Конде были все основания, памятуя о поведении Вильекье в Жарнаке, после победы королевских войск.

— Если попугай угрожает ворону кошкой, стало быть, он понимает, что у него самого шансов в схватке с вороном немного, — ответил Анри, — только взглянув на кошку, мы сможем понять, угроза это или нет.

— У ворона против кошки всегда есть преимущество, — ухмыльнулся Луи де Фавве, — к тому же, господа, помните воронов в Наварренксе?

— Любой ворон может внезапно оказаться простой крысой, если ему обломать крылья, — вступил в разговор Сен-Сюльпис, — не думаете, что….

— ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЬ КАРЛ IX ВАЛУА, — голос церемониймейстера заставил прекратить перепалку с обеих сторон. Толпа расступилась, образуя живой коридор, и склонилась в поклонах и реверансах, — ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО МАРГАРИТА ВАЛУА, — провозгласил церемониймейстер почти тут же.

Карл и Маргарита вошли в зал вместе. Король вел свою сестру, взяв ее за руку, нарушая самим же им установленное правило этикета. Он должен был идти со своей королевой. Но Елизавета Австрийская не появилась на помолвке золовки, сказавшись больной.

Брат и сестра Валуа при фамильной схожести их лиц были полной противоположностью друг другу: красивая, пышущая здоровьем и уверенностью Маргарита и худой, до желтизны бледный, не по возрасту лысеющий Карл, тяжело двигающийся шаркающей походкой.

Следом за королем шел маркиз де Вильруа, служивший его бессменным секретарем и порученцем, а за Маргаритой — красивая молодая женщина, очень похожая на жену Конде. Те же волосы, цвета спелой ржи, и такие же миндалевидные карие глаза. Правда, была она выше Марии и одета куда роскошнее.

Карл остановился, чтобы тепло поприветствовать адмирала, к которому благоволил последнее время. Он даже отметил кивком Шарля де Телиньи. Это было выражением настолько глубокой симпатии к простому дворянину, да еще и протестанту, что Телиньи теперь вполне могли счесть фаворитом.

Оба поклонились королю, а когда он прошел дальше, не отметив даже взглядом ни Гизов, ни Невера, Телиньи что-то быстро, явно озадаченно сказал адмиралу. Колиньи неопределенно покачал головой.

Когда король и его сестра заняли свои места, вновь прозвучал голос церемониймейстера, возвестившего появление королевы-матери. Екатерина Медичи не могла допустить промаха и не подчеркнуть свой исключительный статус в Лувре, показать, кто на самом деле хозяин здесь, в Париже, и во всей Франции. Ее, вечно в черном трауре, который она не снимала никогда со дня смерти Генриха II, сопровождала стайка разодетых в шелк и бархат фрейлин, совсем молодых девушек. Такая свита больше подошла бы ее дочери. Но у Маргариты не было фрейлин. Только компаньонка и наперсница.

Королева села в свое кресло, чуть в стороне от зала, в нише, за спиной короля, но при этом немного выше его, совсем чуть-чуть, так, что можно было даже не заметить. Но все же вся церемония появления в зале короля, его сестры и королевы-матери несла в себе одно послание: Екатерина Медичи открыто заявляла, что за любым решением Карла стоит и будет стоять она.

Три фрейлины заняли место рядом с ней, несколько других разошлись по залу, примыкая к той или другой группе придворных. Одна из них, чуть замешкавшись, оказалась среди протестантов, как раз между де Сэем и Конде, попыталась уйти в сторону, но оступилась. Рене де Сэй, стоявший спиной, ничего не заметил. А Анри успел подать ей руку. Она бросила на него взгляд, в котором читалась благодарность и вместе с тем растерянность и как будто испуг. Она вроде бы и поколебалась, но отдернула руку слишком резко. Он лишь успел заметить на ее запястье черную траурную бархатную ленту, никак не вязавшуюся с дорогим платьем в зеленых тонах и множеством ярких украшений. Между тем она отступила на шаг и скрылась в толпе.

В этот момент церемониймейстер потребовал тишины, а Карл IX выступил вперед и подозвал к себе Генриха Наваррского. Все повернулись в ту сторону, в толпе произошло движение, и сам Конде внезапно оказался почти рядом с королем и своим кузеном, тотчас же забыв об инциденте.

Речь Карла была длинной, цветистой и полной благих надежд. Он казался чересчур, слишком искренним, настолько искренним и открытым, что рождающееся где-то в душе желание полностью довериться и поверить в то, что все разногласия в прошлом, наталкивалось на критическое убеждение рассудка: так не бывает, потому что ни один человек на земле не может быть настолько преисполнен благих чаяний и намерений.

Но стоило взглянуть на людей, собравшихся в зале, чтобы понять, далеко не все разделяют желания короля, а к речи его прислушивается только часть присутствующих.

Де Гиз, например, пожирал глазами, иначе это нельзя было назвать, Маргариту Валуа, не удостоившую его ни единым взглядом. Генрих Анжуйский откровенно скучал вместе со своей свитой. Его искренность брата никак не трогала. Многие дворяне-католики смотрели со сдержанным недовольством. Хотя перебивать короля, даже шепотом, никто не смел.

Карл вручил руку своей сестры Генриху Наваррскому, светящемуся самодовольной улыбкой, и объявил об официально состоявшейся помолвке.

После помолвки был бал и пир, открывавший длинную череду празднеств и торжеств, самым грандиозным из которых должна была стать свадьба, назначенная на третий день.

Кардинал де Бурбон сдержанно и с неохотой благословил помолвку. Было общеизвестно, что ближайший старший родич короля Наварры и принца Конде, во-первых, не благоволит к своим обоим племянникам, во-вторых, не раз высказывался против этого брака, в-третьих, он имел множество причин сомневаться в подлинности разрешения, пришедшего из Ватикана. У всех были такие причины. Зная, что инициатива принадлежит Екатерине Медичи, а также, что она торопила события даже после смерти Жанны д'Альбре, недовольные помалкивали. При этом жених отказывался менять вероисповедание, а невесте семья не позволяла этого сделать. Даже Гиз не смел высказываться на эту тему открыто.

Однако даже теперь, когда Карл IX выказывал протестантам такое расположение, а речи о мире и единстве стали для Лувра основной официальной позицией, а недовольные и несоглас-

ные открыто порицались всем двором, две эти большие группы, гугеноты и католики, предпочитали сторониться друг друга. Как, впрочем, любые группы и партии в Лувре. Так, люди герцога Анжуйского и гизары старались находиться по разные стороны зала, не пересекаться и не иметь друг к другу никакого отношения. Фрейлины королевы-матери избегали общества Екатерины де Гиз и Анриетты де Невер. Люди короля и те, кто не примкнул ни к одной из партий, вели себя со всеми группами одинаково отстраненно, выражая ярко свои симпатии и антипатии лишь по отношению к отдельным персонам.

Франсуа Алансонский же увидел в том, чтобы сдружиться с протестантами, возможность. Впервые за долгое время они стали заметной силой во Франции и при дворе, получили поддержку короля, в ближайшем будущем многие из них должны были занять при короле ключевые посты. И речь шла не только о Колиньи и его зяте.

Д'Алансон теперь держался возле Генриха Наваррского и своей сестры, открыто выражал симпатии протестантской партии, вступал в споры и конфронтации с теми, кто его новых взглядов не разделял. Его, правда, мало кто воспринимал всерьез, то ли в силу чересчур юного возраста, то ли потому, что его происхождение не добавляло ему веса при дворе, как человеку, не блещущему особыми талантами.

Конде сначала старался быть поближе к кузену. Он, скорее, предпочел бы оказаться рядом с Колиньи. Но тот вел беседу с Карлом де Бурбоном, который больше, чем сына своего старшего брата, Антуана де Бурбона, не любил сына Людовика Конде. Да и сам Конде сталкиваться с родственником, которого толком не знал и который заблаговременно предвзято к нему относится, не горел особым желанием.

Кроме того, Анри не мог отыскать ни де Сэя, ни Фавве. То ли они успели куда-то улизнуть, заскучав на этом празднике жизни, то ли народу было слишком много, чтобы легко найти какого-то отдельного человека.

Ему в какой-то момент начало казаться, что духота в Лувре начинает действовать на голову похлеще вина. Анри все больше чувствовал, как рассеивается внимание, а гул голосов и музыки начинает отдаваться звоном в ушах. С тоской он думал, что в ближайшие несколько дней отказаться от присутствия на этих столпотворениях никак не получится.

Как раз когда он размышлял, не сбежать ли ему от этого всего, пока внимания на него не обращают, подошедший лакей сообщил, что Его Высочество принца Конде хочет видеть ее Величество королева Екатерина.

Королева-мать расположилась на возвышении в дальнем конце зала, в окружении нескольких своих фрейлин. Позади ее кресла стояло четверо гвардейцев и двое личных телохранителей. Даже король не окружал себя в Лувре такой охраной. Не слишком-то она уверена в своей безопасности даже здесь, в королевском дворце, в то время, когда ее сын провозглашает мир во всей стране и единство партий.

На желтоватом Екатерины лице играл нездоровый румянец, но ни грамма пудры или помады. Королева прекрасно понимала, что никакие средства уже не способны изменить черты ее лица. Но при этом весьма ценила красоту, окружив себя самыми красивыми дамами королевского двора, если не считать сестер Клевских и ее же собственной дочери.

Королева дежурно улыбалась такой неестественной натянутой улыбкой, что контраст между ней и холодными бесстрастными глазами Медичи был очевиден.

— Я рада видеть старшего сына Людовика Конде в Лувре, — произнесла она, и ее голос был таким же, как ее глаза, — надеюсь, со временем вы займете место при дворе моего сына, как французский принц крови.

Конде поклонился и ответил:

— Если это будет угодно Его Величеству.

— Его Величеству угодно, — улыбка королевы-матери стала шире, но от этого не стала искреннее, — мне очень жаль, что из-за междоусобных разногласий мы потеряли таких людей, как ваш отец. Или Франсуа де Гиз.

Екатерина Медичи сделала короткую паузу, видимо, наблюдая за его реакцией. Но, не дождавшись ничего, кроме вежливого внимания продолжила:

— Мой сын Карл отныне хочет объединить два двора. И многим не мешало бы вспомнить, что они являются вассалами французской короны, а не Наварры, а времена религиозной розни в прошлом.

— Ни мой отец, ни адмирал де Колиньи никогда не злоумышляли против короля Франции, — заверил королеву Конде, — как и я.

— Но вы служите Генриху Наваррскому, — парировала Медичи. Улыбка на короткое мгновение исчезла с ее лица, — и вы протестант.

— Я не служу королю Наварры, — ответил Анри. С точки зрения вассалитета Франции они с Наваррским были в одинаковом положении. Оба принцы крови, оба происходили из одной семьи, Генрих стоял лишь на шаг ближе к трону Франции, но при существующем положении это ничего не значило, — а мое вероисповедание не имеет никакого отношения к верности королю.

— Значит, вы верны королю? — на лице Екатерины Медичи снова, как приклеенная, появилась улыбка, — что же надеюсь, Его Величество сможет убедиться в вашей верности. Он ведь хочет вернуть вам губернаторство в Пикардии.

Екатерина Медичи снова сделала паузу, надеясь на какую-то реакцию от него. Конде нельзя было назвать опытным царедворцем. Но верный своему врожденному качеству, он никогда не выносил поспешных суждений и имел привычку обдумывать любое известие, каким бы благоприятным оно ни казалось.

— Я буду рад служить Его Величеству, — Конде снова поклонился.

Екатерина Медичи кивнула, давая понять, что разговор окончен.

Анри, еще в большей степени после общения с королевой-матерью ощутивший необходимость выйти на свежий воздух, снова начал поиски путей отхода. Он уже почти добрался до выхода из зала, когда его поймал Телиньи.

— Чего от вас хотела Медичи? — спросил он вполголоса.

Конде пожал плечами:

— Напомнить мне, что я вассал Валуа, похоже. И пообещала от имени короля вернуть Пикардию, если я как-то сумею доказать свою верность Карлу.

— Ищет, за что бы зацепиться, — задумчиво произнес Телиньи, — это за сегодня пятый подобный разговор. Она даже снизошла до беседы с Монтгомери.

Конде удивленно вздернул брови:

— Да неужели? Простила ему смерть мужа?

— Скорее, надеется поймать кого-то из нас на слове. Поосторожнее с ней, — и тут же сообщил, — адмирал хотел поговорить с вами. С Наваррским тоже. Но ему уже сказали. Колиньи ждет в смежной с этим залом гостиной, — и Телиньи указал в сторону, противоположную той, в которую до этого пробирался Конде.

— Что-то случилось?

— Не думаю. Может быть, хочет о чем-то предупредить. Мне вот без предупреждения сегодня назначили странную роль, — Телиньи дернул плечами, и чуть заметно кивнув в сторону Карла IX, — и я не знаю теперь, что с ней делать.

— Быть фаворитом короля Франции не так уж и плохо, — с усмешкой заметил Конде.

— Находясь в некоторой конфронтации по причине вероисповедания с доброй половиной двора и внезапно стать идейным врагом для второй половины, — приятного, в общем, мало.

— Но Колиньи как-то с этим справляется уже не первый год.

— Наш адмирал, — ближайший родственник семейства Монморанси. И пусть временно они потеряли то влияние, которым обладали в прошлое царствование, он может сколько угодно сражаться за веру против короля, но останется адмиралом Франции, имеющим крепкие тылы и сторонников.

— А вы — его зять. И вас он без защиты уж точно не оставит…

Телиньи неопределенно кивнул.

— Идите уже. Вас ждет Колиньи, а меня король. И оба имеют свойство быстро терять терпение.

В смежную с залом гостиную, которая, по всей видимости, обычно использовали для игры в карты на чуть менее официальных приемах, Принц Конде и король Наваррский вошли вместе, недоумевая, зачем Колиньи понадобились именно они посреди торжества и почему нельзя было передать это через кого-то или отложить разговор на более удобное время.

Адмирал встретил их с таким выражением лица, будто что-то напряженно обдумывал. И Анри почему-то показалось, что Колиньи борется со жгучим желанием устроить выволочку. Останавливает его явно теперь только, что по статусу и положению оба Бурбона выше. Но высказать им наедине свое недовольство он все же собирается.

— У нас мало времени, господа, — сказал он, — вам обоим не стоит надолго выпадать из поля зрения. И я просто хотел бы вам напомнить о том, что вы не в Нераке и не в Наварренксе. И каждое свое слово нужно взвешивать и обдумывать.

Анри попытался припомнить, где и когда они успели совершить оплошность. Но в голову приходил только его разговор с Екатериной Медичи, о котором Колиньи никак не мог знать. Ни о его содержании, ни о нем самом.

— Кажется, сегодня все мы, — сама учтивость, — ответил на тираду адмирала Наварр-ский, — да и мне особо не с кем было вести опасные беседы. Ваша светлость, может быть, вы объясните нам…

— Я о вашей перепалке с фаворитами герцога Анжуйского перед появлением короля, — резко бросил Колиньи, — мало того, что это было ниже вашего достоинства опускаться до ссор с этим сбродом, так еще и сделали вы это на глазах всего двора.

Кузены переглянулись. Уж этого эпизода ни один из них не стыдился ни капельки, и никакого раскаяния они не испытывали. Так же, как и не ожидали особых последствий. Да и вообще, уже успели забыть о нем. И тем более не были готовы к тому, что Колиньи обратит на него хоть какое-то внимание.

— Вы ведь слышали, с чего все началось? — спросил Генрих, — это было уже неприкрытое оскорбление, во всеуслышание, да еще и произнесенное человеком, стоящим ко мне спиной....

— Вас будут провоцировать, попытаются задеть или оскорбить, — отрезал Колиньи, — но вы оба должны помнить о том, зачем вы здесь. Есть шавки, а есть волки. И пока вы будете гоняться за шавками, волки загрызут вас. Вильекье — шавка. И Сен-Сюльпис — шавка. Мало того что вы роняете свое достоинство, вступая с ними в перепалку…

-то есть мы должны это терпеть? — удивленно спросил Наваррский, — с самого утра, с самой встречи у ворот Сен-Дени мы только и делаем, что терпим насмешки, косые взгляды, обсуждения за спиной. В конце концов, шавки начинают смелеть. Им бы не помешала хорошая трепка.

— Пока ваше внимание поглощено ими, вы не заметите реальной опасности.

— Реальной опасности? Волков? Так мы знаем, кто они, — и Генрих начал перечислять, загибая пальцы, — де Гиз, Карл де Лоррейн, сама Медичи, хотя она, скорее, шакалиха, а не волчица, де Невер, Майеннский. Пожалуй, д'Анжу я сюда относить не буду. Он ближе к шав-кам.

Конде, хоть Колиньи и взывал к его благоразумию, в данный момент был полностью на стороне кузена:

— Вам не кажется, ваша светлость, — заговорил он впервые с начала диалога, — что, так или иначе, нам придется ставить их на место. Мы двое принцы крови, а Генрих еще и король, любой из тех, кто прибыл с нами, может потягаться знатностью и древностью рода с самыми высокопоставленными придворными в Лувре. Де Ла Форс не менее родовит, чем Гизы. Арно де Кавань в родстве и с Монморанси и с Бурбонами. Де Сэй — такой же потомок Робера де Клермона, как я или Генрих. Но любая мелкая тварь здесь чувствует себя в праве тявкнуть, а те, что покрупнее, зубоскалят ее выходкам.

— Если не дать урок шавкам, волки обнаглеют!

— Хотите сказать, что готовы сцепиться с мелкими тварями, надеясь, будто хищники покрупнее испугаются? — спросил адмирал и, заметив некоторое смятение обоих, сказал, — не распыляйте силы понапрасну. Вас проверяют, ищут слабину, как зацепить, на чем поймать. И сегодняшнее представление, поверьте, дало тем же Гизу, Майенну и Неверу множество полезных для них и опасных для вас знаний. Вы оба достаточно разумны, чтобы понимать, о чем я говорю. Я ведь могу не напоминать, как уверенно пользуется добытой таким образом информацией Екатерина Медичи? Если вам, Генрих, мешает услышать голос разума ваша горячность, так воспользуйтесь головой своего кузена. Хотя я вижу, вы удивительно согласны в ваших выводах, — в голосе Колиньи послышалось раздражение.

— Так что же нам делать, ваша светлость? — нарочито вежливым тоном произнес Наваррский, — терпеть?

— Не вступать в дискуссии с лакеями и прихлебателями, когда рядом их господа. Вы только что сами мне сказали, — он повернулся к Конде, — знатностью и древностью рода любой из вас может потягаться с королем. И это так. Так почему вы считаете возможным опускаться к тем, кто настолько ниже вас по положению и происхождению, раз уж на то пошло?

Конде вынужден был признать, что здесь Колиньи прав. Наваррский тоже молчал и, судя по выражению его лица, озадачился тем, как в новом свете предстала его маленькая сегодняшняя победа в перепалке.

— Подумайте об этом, господа. То, что происходит сегодня в Лувре, а я имею в виду и объединение партий, и вашу женитьбу, Ваше Величество, и возвращение в Париж наследников таких благородных семей, как ваша, Ваше Высочество, было непростым делом многих людей, включая королеву Жанну. Но чтобы утвердиться в своем положении здесь, можно хотя бы начать с понимания, где подзаборное тявканье, а где что-то достойное внимания.

Наваррский промолчал. Конде подумал и согласился. Не с тем, чтобы совсем уж закрыть глаза на насмешки и издевки. Но повременить пока с ответом было, с его точки зрения, вполне оправдано. Тем более, оценив все, что видел за прошедший день, Конде стал размышлять, насколько искренен Карл IX, так ли прочно положение протестантов при дворе и как долго их будут осыпать милостями. И не скрывается ли за этим что-то еще

Глава 6

Последней просьбой Колиньи было донести ту же мысль до остальных. Под остальными, понятное дело, имелись в виду Луи де Фавве, Жан де Ла Форс, Рене де Сэй и Арно де Кавань и все те молодые дворяне-наваррцы и протестанты, прибывшие в Париж. Конде сомневался, что эту просьбу вообще возможно исполнить. И даже если получится, эффект может быть прямо противоположный. Скорее уж, наоборот, многие воспримут это как вызов. И так было понятно, что многочисленные дуэли и стычки неизбежны. А если, например, тому же де Ла Форсу погрозить пальцем и сказать "ни-ни", он тут же напрямую пойдет и затеет ссору с окружением Генриха Анжуйского. Просто потому, что будучи герцогом, он сам может решать, как поступать и вести себя.

Анри задумчиво наблюдал за толпой, стараясь держаться поодаль и привлекать к себе поменьше внимания. Пусть блистает в обществе его кузен. У него для этого как раз подходящий характер. И толпа, в которой надо разговаривать сразу со всеми, его нисколько не утомляет.

Ему самому свадьбы и приема в Бланди хватило бы на полгода вперед. Этот был уже лишним. А предстояло еще как минимум десять дней такого же времяпрепровождения, о котором он всякий раз вспоминал то с раздражением, то с бессильной тоской, но старался найти способ смириться с неизбежностью. В конце концов, Колиньи прав. И даже в словах Медичи есть истина. Он вынужден теперь бывать в Лувре. И ему следует знать как можно больше о людях, с которыми здесь придется иметь дело. А значит, из этих торжеств, на которых собралась вся высокопоставленная знать Франции, надо извлечь как можно больше пользы и информации.

Он отыскал глазами в толпе Генриха Наваррского. Кузен как ни в чем не бывало что-то весело говорил миниатюрной светловолосой красавице, одной из фрейлин Екатерины Медичи, та с интересом слушала его, иногда прикрывая веером смешок или улыбку. Это была мадам де Сов, жена государственного секретаря. Генрих стоял к ней слишком близко, а она вела себя до странности спокойно. Это, хоть, как Конде и знал, не осуждалось в Лувре, было непривычно ему, человеку, воспитанному в протестантском окружении Нерака. С некоторым беспокойством он подумал, что от подобных сцен, а за этой наблюдало как минимум несколько весьма заинтересованных пар глаз, кузена следовало бы предостеречь так же, как и от ссор с фаворитами герцога Анжуйского.

Стоило ему вспомнить брата короля, как он тут же заметил его, под руку с какой-то дамой. Той самой, которая якобы случайно оказалась в толпе рядом с ним и неловко оступилась. Кажется, они смотрели на него… хотя нет. С чего бы незнакомке интересоваться его персоной… как и Генриху Анжуйскому, по большей части, делающему вид, что он не замечает Конде.

Однако д'Анжу со своей спутницей шел именно к нему и тот постарался скрыть свое изумление.

— Позвольте, мсье, — произнес брат короля скучающим тоном, — эта дама просила представить ее вам.

Девушка присела в реверансе.

— Мадемуазель Кристина де Бютье, маркиза де Мальшербуа, — также буднично представил ее герцог Анжуйский, — Его Высочество Генрих де Бурбон, принц Конде. Надеюсь, на этом все?

Та поспешно кивнула.

Бросив ленивый взгляд на девушку, потом на Конде, брат короля хмыкнул, что-то пробормотал себе под нос и оставил их, нисколько не заинтересованный в продолжение разговора.

Анри же смотрел на представленную ему даму и на герцога Анжуйского с недоумением.

Мельком в толпе он не смог ее разглядеть, но она ему показалась старше. Сейчас же он видел, что это совсем молодая девушка, лет восемнадцати, пожалуй. Она так переборщила с белилами и румянами, что они сделали ее лицо безликим и искусственным. Да и платье из тяжелого изумрудного бархата, украшенное жемчугом и серебряным шитьем, добавляло ей возраста.

Чем он мог ее заинтересовать? Судя по тому, как она вела себя в тот момент, когда он подал ей руку, она, скорее, испугалась.

— Я хотела вас поблагодарить, — проговорила она, улыбнувшись, прерывая затягивающуюся паузу, — и попросить прощения.

— Вам не за что благодарить. И тем более просить прощения, — ответил он.

Ее улыбка выглядела натянутой. А в глазах не было и тени того легкого настроения, которым она старалась прикрыться.

Ей неинтересно с ним говорить, она не хотела бы вообще находиться с ним рядом, — заключил Конде. Но сама попросила их представить. Что-то тут не так. Но скромный опыт общения с придворными Лувра не мог ему подсказать, что именно.

— Как вам нравится этот прием? Чудесно, не правда ли? — голос ее в начале фразы наигранно беззаботный, в конце стал каким-то бесцветным, невыразительным.

Конде сдержанно согласился. Попытка вновь придумать какую-то причину этому разговору не увенчалась успехом. Однако он поймал на себе два пристальных взгляда. За ними следили. Екатерина Медичи внимательно смотрела на него, на свою фрейлину, потом снова на него. Другим следящим была сопровождавшая Маргариту Валуа женщина... Та, что показалась ему похожей на его жену.

— Вы думаете... — снова начала мадемуазель де Бютье и внезапно замолчала сама. Потом посмотрела на него взглядом, полным тоски и отчаянья, отвернулась и произнесла, — простите, я не могу...

Конде взглянул на нее с еще большим удивлением.

Кристина де Бютье подняла на него взгляд. В глазах ее стояли слезы.

— Уходите отсюда, уезжайте. Это гнилое место губит всех. Отбирает все, что вы любите. И ничего не дает взамен.

Она развернулась и быстро пошла прочь из зала, оставив недоуменно стоявшего Конде, так и не сумевшего понять, зачем ей нужно было с ним говорить и почему это важно Екатерине Медичи.

— Вы так жестоки к бедняжке, Ваше Высочество, — раздалось за его спиной.

Он повернулся. Теперь перед ним стояла другая дама — та самая, что только что следила за его разговором с фрейлиной королевы.

Она засмеялась, увидев некоторое его замешательство, и продолжила:

— Она убежала в слезах. Что вы такое сказали ей, Ваше Высочество?

Анри снова в недоумении взглянул вслед убежавшей мадемуазель де Бютье.

— Понятия не имею, мадам, — удивленно ответил он, — мы едва успели обменяться парой слов.

— Анриетта де Невер, — представилась она сама, протягивая Конде руку.

Он поклонился и поцеловал ей руку, укорив себя за то, что не узнал ее сразу. Все три сестры Екатерина, Анриетта и Мария были похожи, словно близнецы. Разница лишь в манере держаться и одежде. Наряды его жены отличались протестантской скромностью, Екатерина предпочитала сдержанную роскошь, достаточную, чтобы показать, что может ни в чем себе не отказывать, но не вычурную, без излишеств, Анриетта в чрезмерно открытом платье из шелка нескольких цветов, украшенном камнями и золотым шитьем, казалась по сравнению с двумя младшими сестрами более легкомысленной.

— А ведь мадемуазель де Бютье так старалась привлечь ваше внимание... — продолжала сочувствовать расстроенной даме Анриетта.

Конде заметил в ее тоне насмешку. Он обвел взглядом зал и произнес:

— Привлечь внимание? Вот там, кажется, — он кивком указал на пару у расшитого золотыми лилиями гобелена, — образец того, как надо привлекать внимание.

Парой были Генрих Наваррский и Шарлотта де Сов. Генрих что-то говорил, а мадам де Сов заливисто смеялась, прикрываясь веером. Они были поглощены друг другом, но, похоже, никого в зале это не смущало.

Анриетта засмеялась чуть ли не так же весело, как собеседница Генриха.

— Это да, — согласилась она, — но наша Шарлотта, — лучшая дама "летучего эскадрона" мадам Екатерины. А бедняжку Кристин королева теперь отошлет или выдаст замуж. Вы могли и подыграть ей.

Конде пожал плечами. Эти разговоры ни о чем, цель которых, как он подозревал, в чем-то не относящемся к предмету обсуждения, утомляли своей бессмысленностью. Он больше слушал, чем говорил, пытаясь вычленить что-то важное в потоке чужой мысли. Но вскоре пришел к выводу, что большинство разговоров в Лувре ведется ради разговора. И избежать этого невозможно.

— Простите мою прямоту, мадам, но подыгрывать было нечему. Я, к сожалению, даже не успел понять, что мое внимание пытались привлечь. С другой стороны, спасибо за предупреждение. Памятуя об ошибках моего отца, я тем более не стану подыгрывать даме из "летучего эскадрона".

Лицо Анриетты де Невер приобрело загадочное выражение:

— Кто знает, что сулит нам день завтрашний. Кто знает… но я рада, что муж моей родной младшей сестры разумный и сдержанный человек. О выборе, доставшемся моей подруге, стоит лишь сожалеть.

И не сказав больше ни слова, она повернулась к Конде спиной, как будто мгновенно потеряв к нему интерес, и направилась в другую часть зала.

А Анри, вспомнив о тонком черном браслете на запястье мадемуазель де Бютье, единственном символе скорби и траура, который она себе позволила, подумал, что, возможно, та имела свои причины не выполнить указание Екатерины Медичи.

***

16 августа

Накануне свадьбы Генриха Наваррского и Маргариты Валуа в Париж должны были прибыть те, кто остался в Бланди, и те, кто собирался явиться сразу в Париж на свадьбу короля Наварры.

И Анри с самого утра отправился навстречу кортежу. Причиной не была такая уж необходимость встречи и сопровождения, не особо он стремился увидеть свою молодую жену, в сущности, он всего раз или два вспомнил о Марии Клевской, и то лишь потому, что постоянно видел при дворе ее сестер. Охрана при въезде в город кортежу тоже не требовалась. В Бланди оставалась часть людей адмирала Колиньи, граф де Монтгомери со всем своим отрядом и множество дворян, вроде того же Агриппы д'Обинье, при оружии и умении таковым пользоваться.

Просто нашелся хороший повод на какое-то время покинуть Лувр. И судя по тому, с какой готовностью вызвался его сопровождать сеньор де Сен-Мартен, и как быстро к ним присоединились де Брикмо и Антуан де Клермон, в королевском дворце многие чувствовали себя неуютно.

Хотя, как на это посмотреть. Например, ни Фавве, ни Ла Форс Лувра покидать не захотели, когда Анри им предложил такую прогулку. Все, кто вызвался его сопровождать, были лет на пятнадцать старше. "Старичье" — в шутку называл их Наваррский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.